

УВАЖАШАМАХ

ЭВАКУАТОР

Бойся

Иван Шаман

Эвакуатор

«Иван Шаман»

Шаман И.

Эвакуатор / И. Шаман — «Иван Шаман», — (Бойся)

Буря из иного мира накрыла Москву. 15 миллионов человек оказались во власти стихии. Но за ураганными порывами ветра и градом скрывается чужеродный ужас. И только одаренным под силу выжить. Бойся ближнего своего, ибо он лишь тень самого себя. Бойся дома своего, ибо за пустыми глазницами окон таится смертельная опасность. Бойся, ибо нет спасения ни на земле, ни под ней. Счастья всем с даром. И никто из одаренных не уйдет обиженным. Содержит нецензурную брань.

© Шаман И.

© Иван Шаман

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Иван Шаман

Эвакуатор

Предупреждение

Данное произведение является художественным вымыслом, любые совпадения с событиями или реальными лицами – случайны. Автор не разделяет и не пропагандирует высказываемые персонажами политические, религиозные, расовые, сексуальные и кулинарные взгляды. Автор не стремится оскорбить чье-либо мнение или достоинство, описывая наиболее реалистичный сценарий в рамках описываемого мира. В тексте могут встречаться нецензурные выражения, описания и завуалированный мат. Так же в тексте есть иероглифы, «сломанный» текст, и визуализированные объекты. Просим убрать от экранов беременных детей.

Глава 1

Вагон метро резко дернулся, да так, что я схватился за поручень. Визг тормозов и ругань пассажиров ворвались в рокоочущий эмбиент, басом бьющий из динамиков. Мне тут же стало не до музыки, я принялся заполошно оглядываться по сторонам, пытаюсь понять, что происходит. Вагон еще раз подпрыгнул, ударился о борт туннеля, со скрежетом выполз на станцию и замер. Выдернув наушники, я взгляделся в окружающую меня толпу.

«...прибывает на станцию...» – попробовал выговорить привычный женский голос, но его прервал каркающий, едва скрывающий страх баритон вагоновожатого.

– Граждане, сохраняйте спокойствие. Из-за аварии выход на платформу осуществляется через передние вагоны. Движение временно невозможно, – выдавил он, чуть охрипнув от волнения. – Повторяю! Сохраняйте спокойствие и выходите через передние вагоны. Поводов для паники нет. Все в порядке.

Будто опровергая его слова пол заметно затрясся, а с потолка посыпалась пыль. Люди, еще секунду назад пытавшиеся держать себя в руках, ломанулись к выходам. Мгновенно возникла давка. Я слышал, как где-то в стороне плачет ребенок. Но за толпой его не было видно, и мне оставалось только, поддавшись течению, выплывать наружу.

Свет на перроне непривычно мигал. Вывалившийся на станцию народ бежал вверх по отключенным эскалаторам, не обращая внимания на предупреждения полицейских и дежурных. Земля ощутимо тряслась. Толчки с каждой секундой становились все сильнее. Животное начало вопило во мне, требуя бежать как можно быстрее. Умом же я понимал, что метро строили как бомбоубежище и обычное землетрясение ему нипочем.

– Сохраняйте спокойствие! – пытаюсь перекрыть шум толпы кричал полицейский. Он даже снял маску – чтобы его было лучше слышно. Но люди, живым потоком рвущиеся наверх, чуть не снесли его. – Да еб вашу мать! Успокойтесь! Бежать некуда!

Эта фраза напрягла меня куда больше, чем поведение обезумевших пассажиров. Прыгнув на платформу между эскалаторами я скачками бросился наверх. Сразу несколько человек попробовали последовать за мной, но съехали вниз. Неподготовленному человеку по такой поверхности бегать противопоказано. А мое увлечение трейсом и скалолазанием позволяло выписывать любые финты. Да и босокеды с липнущей подошвой помогали.

Взбежав на самый верх, я наткнулся на замершую толпу. В реальности по головам не пойдешь. Задние ряды напирала на передние. Выдавливали людей наружу. Но, как и говорил полицейский внизу, бежать было некуда. За поликарбонатными дверьми творился настоящий хаос. Оказавшиеся впереди люди цеплялись за створки, упирались в перекладины и двери, чтобы их не выдавили наружу.

Ветер с гулом и визгом прорывался сквозь щели. Сквозь жуткий вой доносились крики и отборный мат. Прямо мимо дверей ураган протащил боком автомобиль. Затем закружил его, словно ребенок игрушку, и унес куда-то в непроглядный буран.

– Успокойтесь, блядь! Отставить панику! – выкрикнул обозленный и весьма помятый полицейский, поднявший к потолку руку с пистолетом. Призывы не подействовали. В отличие от нескольких глухих хлопков, после которых с потолка посыпалась штукатурка. Толпа медленно подалась назад. – Спускайтесь на платформу! Там безопаснее! И успокойтесь уже!

Будь его собственный голос чуть более уверенным – возможно, подействовало бы лучше. Но перед угрозой применения оружия люди все же начали отступать. Я остался сидеть на турникете, глядя на растерянные и озлобленные лица. Пятеро полицейских тоже остались наверху, блокируя двери.

Толчки не прекращались. Как и буран за окнами. Висящие под потолком неоновые лампы качались словно маятники. Сыпалась пыль и мусор. Люди продолжали бесноваться. Но здравый смысл заставил их спуститься.

– Все вниз! – упорствовал начальник станции, держа пистолет на виду. Его помощники непрерывно терзали шипящие рации. Наверху делать было нечего. Да и угрозу я воспринял вполне серьезно. Вместе с остальными спустился на перрон. Бешеный ветер больше не терзал уши, а толчки не казались чем-то ужасным. В Союзе строили на совесть.

Вновь достав наушники, я залез в телефон. Но моя музыка оказалась отключена. Вайфай не отвечал. Сеть отсутствовала. Нахмурившись, я попробовал переключиться на мобильный интернет, но и он оказался недоступен. Впервые в моей жизни в городе отсутствовала связь. Я даже несколько растерялся, не понимая, что происходит.

– Связи нет, – раздался озадаченный женский голос, в котором легко было различить нотки паники. Девушка в сером пуховике и маске с вышитыми цветами требовательно смотрела на спутника.

– Все в порядке. Наверное, буря повалила антенны, – попробовал успокоить ее сидящий рядом мужчина. – Ничего страшного. Не впервой в Москве. Повалит деревья, поломают антенны и пару кранов. Ничего страшного. Мы не во Флориде, дома строим из бетона, а не картона. Так что все в порядке будет.

– Думаешь? – чуть успокоившись, спросила девушка и прижалась к мужчине.

Я хмыкнул. В чем-то он, конечно, был прав. Буря не первая. А вот землетрясений в центральной России не было... никогда? Я больше по промышленному альпинизму. Но от друзей слышал, что мы находимся на равнине, на которой в принципе такое невозможно. Но и на старуху бывает проруха. Старушку Москву трясло.

Люди постепенно успокаивались. Первый шок прошел, и они начали лезть в телефоны. Несколько моих сверстников, может, студентов чуть младше, включили на полную громкость колонку с трешем. Мужики тут же предложили им отправиться в ад. В результате разгоревшийся был конфликт потушили, поставив легкую инструменталку без слов. Что в нашем случае было неплохим выбором.

Я же, порывшись в файлах, нашел купленный альбом каверов Пушного. Что ж. Жги, дядя Саша. На тебя вся надежда. «А-а в Африке реки вот такой ширины», – затянул Пушной под восьмиструнную электрогитару и барабаны. Вот странно, детская песенка мне никогда не заходила. А в обработке а-ля «Рамштайн» даже «Тучи» вызывали восторг. Вопрос только, насколько хватит зарядки телефона.

Даже через пять минут толчки не прекратились. Они то становились сильнее, то ослабевали – будто отдаваясь. А мне стало откровенно скучно. Сидеть в полутьме мерцающих ламп и горящих экранов не самое веселое дело. Офлайн игр на телефоне я не держал. Слушать жалобы и уговоры парочек – не хотел. А потому свалил наверх, пройдя мимо опустевшей будки дежурного.

– Центр не отвечает. Телефоны и рации тоже. Так что мы пока сами по себе, – донесся тихий, уверенный голос начальника станции. Я как раз дополз почти до самого верха, но так, чтобы меня не было видно в зеркалах и у выхода.

– Электричество пока есть. Стационарник гудит, но на том конце все время говорят «позже», – сказал второй полицейский. – Может, попробовать выйти наружу?

– Ебнулся? В такой ветер? Он машины сносит, а ты хочешь что? И, главное, зачем? – спросил с возмущением начальник станции. – Мы в одном из самых безопасных мест. В метро. У нас запас продовольствия и медикаментов. Гермоотделки, если понадобятся, работают. Генератор и аварийный запас топлива тоже в наличии. Сидим и не дергаемся. Рано или поздно ураган стихнет.

– Надо бы хоть родным весточку подать, что мы застряли, – заметил третий, более молодой голос. – Мы же здесь неизвестно насколько. Да и, если война, нужно их тоже в метро утащить. А еще лучше эвакуировать. Как думаете, по нам ударили Штаты?

– Брось чепуху молоть. От ядерного удара таких землетрясений быть не может. А ураганов тем более. Там волна, а не постоянные толчки. Ты в учебке и на инструктаже спал, что ли? – фыркнул начальник станции с некоторым облегчением в голосе. Кажется, отчитывая подчиненного, он успокаивался сам. Его тон становился все уверенней.

– Извиняюсь, тащ старший лейтенант. Виноват, – ответил, понунив голову, полицейский.

– Все нормально, – повторил начстанции. – Если бы это был удар врага – давно были бы сирены. Да и дозиметры в норме. Нет. Это естественный процесс. Наверное.

Последнее слово он проговорил совсем не так уверенно, как предыдущую речь. Но спорить никто не осмелился. Ветер по-прежнему выл в щелях. Пробирался холодными пальцами под двери и между створками. Но буран перестал быть белым. Снег будто окрасился едва заметным оранжевым оттенком. И в самом деле начал стихать.

Видимость с каждой минутой улучшалась. И хотя мне с моей позиции было видно только краешек стеклянных дверей, за ними уже начали проступать очертания соседних зданий. Из любопытства я выглянул из-за ступеней и тут же напоролся на колючий взгляд начальника станции.

– Подслушиваешь, гад? – спросил он, хватая меня за шкирку. Поднять не смог, я хоть и легкий, но не пушинка. Легким движением высвободившись из его хватки, я отряхнул куртку. – Ловко. Пошел вниз.

– Так я и так внизу был. А тут вроде уже безопасно, – заметил я, вглядываясь в стеклянную дверь. – Ветер же стихает.

– Не думаю, что надолго, – сказал стоящий к нам спиной полицейский. – Тащ старлей, там какое-то движение.

– Люди? – спросил начальник станции, теряя ко мне интерес.

– Не похоже. Вроде... Тени? – ответил мужчина, суеверно перекрестившись. – Хотя, может, и показалось.

– Ты чепухи-то не мели. Точно показалось, – сказал начальник станции, подойдя вплотную к двери.

Я замороженно смотрел, как мимо проносится нечто серое. Может, облако пыли, принявшее причудливую форму с руками и звериным оскалом. Слишком быстро, чтобы нормально разглядеть. А вот валяющиеся посреди трассы машины виднелись отчетливо. И во многих из них были люди.

– Там дети, – заметил нач станции. – И женщины. Так, орлы. Быстро в подсобку за веревкой. Надо втащить внутрь кого успеем.

– У меня есть страховка, – сказал я, скинув рюкзак и достав набор из веревки и навешанных на нее карабинов. – Что? Промышленный альпинизм. Окна моем, а я снарягу на всю группу везу.

– Да нет, ничего. Все профессии важны, – ответил, усмехнувшись, начальник станции. – Но одной веревки нам точно не хватит. Сколько тут? Метров пятьдесят?

– Сорок пять метров десятки. Девятки – сотка, но без нормальных перчаток с ней лучше не работать. Давайте покажу, как делать страховочные узлы, – сказал я.

Помогать полиции не слишком хотелось. Сталкивался в студенчестве и по крайней нужде, а попадались мне в основном равнодушные чинуши или полные отморозки, готовые за деньги на все. Но люди в машинах ни в чем не провинились. Да и эти служивые были вроде нормальными. Скоро все пятеро полицейских были нанизаны на веревки и закреплены с помощью карабинов. Концы привязали к железным турникетам всверленным в пол.

– Все. Дальше узла не улетите, – сказал я, чуть отступив.

– Сам не пойдешь? – удивленно и несколько презрительно спросил начальник станции, будто обвиняя меня в малодушии. Этот взгляд одновременно взбесил меня и пристыдил.

Какого черта? У меня, может, такого приключения никогда не будет. А на станции неизвестно сколько торчать. Отношение людей с оружием тоже может быть ценно. Я демонстративно достал перчатки и тонкий шнур восьмерку. Закрепил себя и вместе с остальными вышел наружу.

Ветер мгновенно начал вгрызаться в открытые участки тела. Рвал одежду. Колючими иглами осыпал щеки. Крупные градины били по машинам, словно камни, запущенные из пушки. Пригибаясь к самой земле и держась плотной кучей, мы добрались до первой из перевернутых машин. Семье в этом авто повезло. Сработали подушки безопасности, к тому же все они оказались пристегнуты.

Я разбил карабином и выдавил лобовое стекло. После чего все трое переключались в объезжая полицейских. Держась за натянутую ветром страховку, они двинулись к станции метро, а мы пошли дальше. Ветер вновь начал усиливаться. Серые силуэты – проявляться более отчетливо. Сквозь порывы слышался нечеловеческий вой. Я не успел сообразить, что происходит, когда один из бойцов, вскрикнув, рухнул на лишенный снега асфальт. Его мгновенно потащило в сторону, перекатывая словно шарик, но двое других успели поймать мужчину.

– Там! Смотри! – выкрикнул начальник станции, и я с удивлением увидел, что он показывает на стоящее напротив здание. На высоте третьего этажа, держась за решетку, висел ребенок в розовой курточке.

Выругавшись про себя, я примерно оценил маршрут. Проскользнуть мимо двух машин. Укрыться за ними от ветра. Обойти столб, получив новую точку страховки. Затем вверх по решеткам и водосточной трубе. В обычный день – пара пустяков. А сегодня это тянуло на настоящий подвиг.

Ураган нарастал, его око уходило к центру Москвы, и у меня оставалось всего несколько секунд, чтобы действовать. Думать некогда, прыгать надо!

Рывками перебегая между укрытиями я уже через мгновение был у стены дома. Накинул веревку на столб. Закрепил шнур карабином и помчался дальше. Ветер чуть не снес меня на уровне второго этажа, но пальцы в шершавых перчатках привычно выдержали нагрузку. На секунду меня дернуло так, что я повис параллельно земле. Затем подтянулся, выкидывая тело вверх и чуть в сторону. И оказался прямо на зарешеченном окне.

– Все в порядке, теперь обними меня, и я нас отсюда спущу. Эй, слышишь меня? – дернул я за плечо ребенка, мертвой хваткой вцепившегося в прутья. – Очнись уже! А, черт! Ладно!

Выругавшись, я навис над ребенком, отгородив его от улицы своим телом, и начал перевязывать страховку, опоясывая мальчика веревкой. Но когда петля уже перехватила его пояс и ноги, что-то толкнуло меня в спину.

Оглянувшись из-за внезапного порыва сильного ветра, я заметил приближающуюся черную пасть. Два ряда призрачных игольчатых зубов. Растянутый в жуткой улыбке рот. Мгновение, и тварь вонзилась в меня. Тело свело судорогой. Карабин звякнул, удерживая меня у решетки. А затем я впервые увидел лицо ребенка. И крайне удивленный взгляд алых глаз. Словно разом полопались все сосуды.

Я вздрогнул, отметаая лишние мысли. Напрягся, прогоняя судорогу. Ничего. На тренировках бывало и не такое. Оглянулся, выискивая опасность, и, убедившись, что все чисто, прыгнул, держа ребенка в объятьях. Может, мне показалось? Черт его знает, но пора было выбираться отсюда. За то время, пока я ползал за альпинистом, унесенным ветром, полицейские смогли вытащить несколько пассажиров и сейчас втягивались в метро.

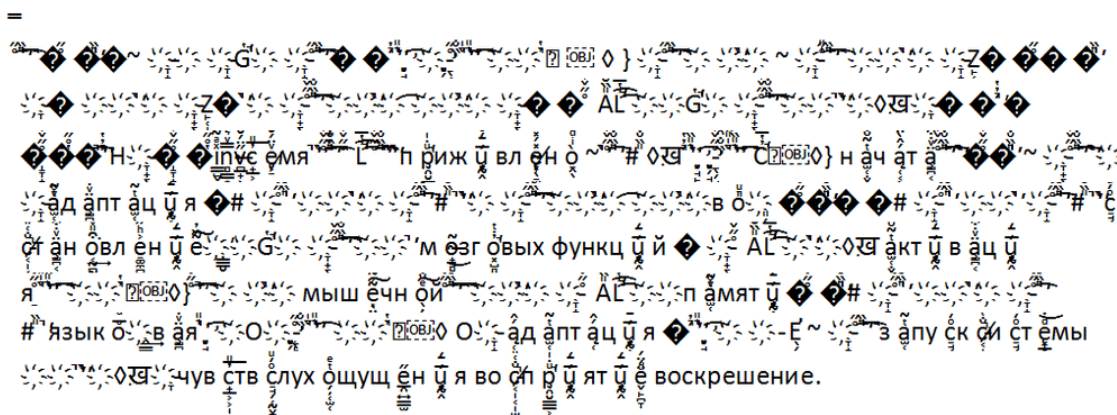
Тело отказывало. Я несколько раз чуть не упал, пока добрался до спасительных дверей станции. Но ребенка не отпустил. Он тоже вцепился в меня клещом, держался и руками, и ногами. Наконец, оказавшись внутри, я рухнул без сил на пол, освобождая спасенного. К нему

тут же подбежала какая-то женщина. Я не стал вникать, кем она ему приходилась. Перед глазами все плыло. Голоса доносились словно из глухого подвала.

– А ты молоток. Прямо герой, – весело сказал нач станции, хлопнув меня по плечу. А затем опустил на корточки, вглядываясь в мое лицо. – Эй, ты чего? Парень! Блядь... Доктора сюда!

Я в ответ смог лишь улыбнуться. Через несколько минут – или секунд? – ко мне подошла женщина в белом халате поверх куртки. Разобрать ее слов я уже не мог. Как и выражения лица. А чуть позже перед глазами появилась маленькая требовательная ладошка, на которой лежало крохотное золотое яблоко.

Ребенка попробовали отогнать. Перед глазами все темнело. И когда я вновь открыл глаза – мог видеть только его. Яблоко. Золотое. Чуть крупнее вишни. Оно манило, подавая неестественный приказ. Оно желало быть съеденным именно мной. Поддавшись требовательному жесту, я открыл рот. По языку потек ядреный едкий сок. Дыхание окончательно перехватило. Все тело свело судорогой, и я понял, что умираю.

Глава 2

Боль выдернула меня из небытия. Жуткая, нечеловеческая боль. Она сводила все тело судорогой, не позволяла вздохнуть. Застилала глаза непроницаемой черной пеленой. Острая, вгрызающаяся в кости, иголками протыкающая мозг и ввинчивающаяся в виски. И все же спасительная.

Хватая ртом воздух, я не мог сделать ни вдоха. Тело не слушалось, будто перестав быть моим. Кровь бешено стучала в ушах, заглушая внешние звуки. Я уже решил, что наступил конец, когда первый глоток воздуха вошел в легкие. Но не самостоятельно. В меня его вдавили. И с этим живительным вдохом пришло спасение от спазма.

Боль отступала. За ней оставалось лишь тупое онемение. Но я сумел почувствовать сильные ладони, сомкнувшиеся на руках и ногах. Кто-то прижимал меня коленом к полу. Другой удерживал голову. Очередной вдох вошел в легкие, и я на мгновение почувствовал на языке вкус крови.

– Живой, ну слава богу, – донесся до меня голос начальника станции. – Обоих спасли. Так, пока не оклемаются – в лазарет их. Нечего народ на платформе пугать.

Меня подхватили под мышки и, не особенно церемонясь, куда-то потащили. Ноги ударились о порог, подпрыгнув. Голову словно залили свинцом. Но вскоре я почувствовал, как с меня бережно стянули кеды. Не сумев до конца прийти в себя, я лежал в полубреду. В голове все помутилось, и я провалился в спасительное забытие.

Очнулся я от новой жгучей боли, оставшейся на щеке после пощечины.

– Тише! Тише! – выругался начальник станции, и я внезапно понял, что сижу, прислонившись спиной к кровати. – А ну, положим его на место.

– Ч-что случилось? – выдавил я из непослушного рта.

– Это у тебя спрашивать надо, парень. Ты полз по комнате к сестре. Она от страха даже наружу выскочила. Что тебе такое приснилось? – ответил старлей. Беспочтительно похлопав меня по куртке, он извлек из внутреннего кармана паспорт. – Изяслав Валерьевич Блинков, 1998 года рождения. Москвич. Не служил, не женат, не привлекался. Детей тоже нет, хотя это в вашем поколении и понятно. Изя, выходит?

– Слава я.

– Ну, Слава так Слава. А я Михаил, будем знакомы, – сказал начальник станции, возвращая паспорт. Поправив встрепанную густую шевелюру, в которой уже пробивалась седина, он строго на меня посмотрел. – Честно скажу, повезло тебе Слава. Пришел в сознание раньше Бори. Хотя он вроде крепче. Но сестра наша, милосердия, говорит, что тебе странно сильно досталось. Будто неделю били. Как так вышло? Ты с третьего этажа неудачно упал?

– Нет. Самосбросом со страховкой. Нормально все шло, – с трудом ответил я, морщась от боли. Попробовал подняться и тут же понял, что не могу. Тело не слушалось. Словно одеревенело.

Похолодев, я осознал, что руки и ноги разбухли, да так, что всегда болтающиеся штанины стали в обтяжку. Водолазка оказалась впритык. Страх едва не перерос в панику. Никогда со мной такого не случалось. Даже после жесточайших тренировок на чемпионатах и при переизбытке воды в организме. Что-то не так. Что-то серьезно не так. Мне нужно в больницу! Мне нужен врач!

Я открыл было рот, чтобы сказать об этом, но понял, что смысла нет. Если бы буря закончилась – меня бы уже осматривали работники скорой.

Глубоко вздохнув, я попытался успокоиться. Паника меня не вылечит.

– Ясно. Значит, тоже не в курсе. – Михаил, не заметив страха в моих глазах, нахмурился и глухо постучал пальцем по полу. – Боря в кому, кажется, впал. Хотя головой сильно не бился.

Я проследил за кивком начстанции и увидел уже знакомого полицейского, лежащего на соседней койке. Выглядел он ничуть не лучше меня, но его грудь вздымалась, а изо рта слышалось слабое посапывание. Живой. Я вспомнил, как он вскрикнул и его потащило по дороге. Но да. Таких увечий волоком нанести было невозможно. Тут словно било что-то изнутри, а не снаружи.

Тогда... черная пасть с рядами игольчатых зубов? Я вздрогнул от одного воспоминания и прогнал его прочь. Бред. Чистой воды бред. Просто галлюцинация.

– Ладно, Слава. Вижу, тебе все же досталось. Ты лежи пока. Отдыхай. Торопиться все равно некуда, – сказал Михаил, поднимая меня с пола и укладывая на кровать. – Не обижайся, но от греха я тебя наручниками пристегну. Чтобы больше во сне не баловал и к сестричке не лез. Она у нас единственный врач.

Возразить было нечего. Да и сопротивляться я все равно не мог. Уложив меня на кровать, старлей поправил подушку, а затем приковал мою распухшую руку к металлической раме. Не верх удобства, но лучше, чем на полу.

– Что с ребенком? – спросил я, когда начальник станции уже собирался выходить. – С тем, красноглазым, которого я вытащил.

– Красноглазым? Может, осколки льда попали? – проговорил себе под нос Михаил. – Нормально с ним все. Вроде. Сразу спрятался за юбкой. Где-то среди пассажиров. Ладно, если пообещаешь себя хорошо вести, пушу обратно доктора. Она тебя осмотрит.

– Обещаю не буйнить и не приставать, – через силу пошутил я.

– Это как раз можешь. К пьяным мы тут все давно привыкли. А вот к воющим и скребущим плитку ногтями – нет, – строго посмотрев на меня, сказал начстанции. – Лиза, буйный пристегнут и почти вменяем. Можешь осматривать.

– Спасибо, Михаил Иванович, – сказала девушка, входя в помещение. Я узнал ее с первого взгляда, хотя сознание мое и было в прошлый раз затуманено. Все тот же халат поверх зимней куртки. У входа в метро было нежарко, а ураганный ветер вытянул последние остатки тепла.

– Здравствуйте, – поприветствовал я её. – Спасибо за спасение.

– Спасение? О чем это вы? – взяв стул удивленно спросила Лиза. Она вошла в круг света над кроватью, и я наконец смог рассмотреть моложавое, ухоженное лицо женщины чуть за тридцать. Русые волосы были аккуратно забраны в хвост. Обязательную маску заменял медицинский респиратор со сменными фильтрами.

– Искусственное дыхание. Вы же его делали, – предположил я, надеясь, что это был не один из полицейских. Рот в рот... все такое.

– А, да. Конечно. Но помогло вам это несильно. К сожалению, – вздохнула Лиза, присаживаясь на стул рядом с кроватью. – Не дергайтесь, я должна вас осмотреть.

Не терпя возражений, она задрала кофту и прижала к коже выдавший виды стетоскоп. Замерла на несколько секунд, прислушиваясь. Передвинула его чуть в сторону и нахмурилась. Вновь выждала.

– Дышите полной грудью. Вдохните максимально, – строго сказала женщина. Я послушно начал набирать воздух в легкие. Но почти сразу закашлялся. Во рту появился отчетливый вкус крови. – Стоп. Стоп. Спокойней. Выровняйте дыхание.

Она на несколько мгновений задумалась, молча смотря на меня.

– Бред какой. Ладно. Попробуем по-другому. – Лиза достала из кармана телефон и включила фонарик. – Смотрите на мой палец. Проверим реакцию зрачков. В левый верхний угол. Теперь в нижний правый.

Я непроизвольно зажмурился от яркого света. Попробовал поднять руку, чтобы протереть глаза. И, на удивление, у меня это получилось. Хоть кожа и скрипела от напряжения, а мышцы едва слушались. Убрав толстыми, словно сосиски, пальцами слезы, я понял, что сму-

тившее меня пятно в глазу никуда не исчезло. Потребовалось несколько секунд, прежде чем я понял, что это не соринка.

– торчало в самом углу. Что за хрень? У меня к глазу иконки?

– В чем дело? Посмотрите на меня, и продолжим, – требовательно сказала врач. Не решаясь рассказать о глюке, я открыл глаза и продолжил глядеть в указанных направлениях. Через минуту экзекуция закончилась, и Лиза вновь задумчиво замолчала.

– Что со мной, доктор? Жить буду? – выдавив из себя улыбку, спросил я.

– Будешь. Хоть и не должен, – задумчиво сказала женщина, переходя на «ты». – Я в чудеса не верю. Профессия не та. Но с тобой случилось именно чудо. В твоём теле полопались почти все капилляры. Ты уже должен умереть от обильной внутренней кровопотери. Или от кровоизлияния в мозг. Но вместо этого спокойно дышишь и даже пришел в сознание.

– Как это возможно? – Я слушал её, но не верил. Да, я чувствовал себя плохо, но не умирал.

– Во время контузий на фронте такое бывает. От ударной волны при взрывах. Еще я слышала об испытаниях на мышах ультразвуковых установок, – перечислила доктор. – Но чтобы такого объема и с таким результатом...

Она решительно направила на меня камеру своего смартфона.

– Надо все задокументировать, чтобы после твоей смерти мне поверили, – так, словно речь шла не обо мне, сказала врач. – Смотри в камеру. Я паспорт достану.

– Погодите, что значит после смерти? – прохрипел я.

Происходящее напоминало дурной розыгрыш. Не могло быть правдой.

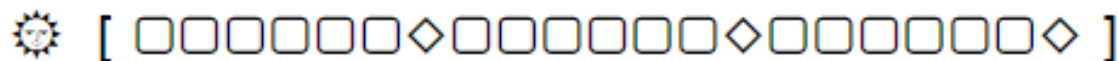
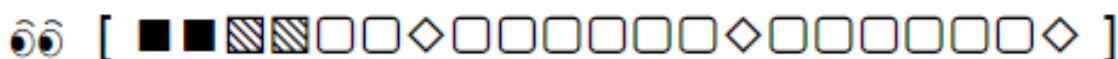
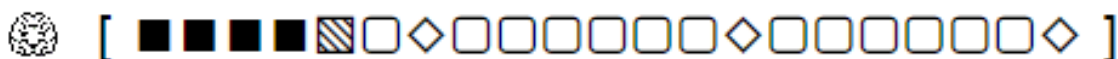
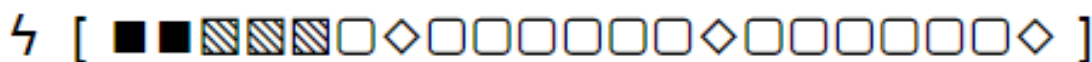
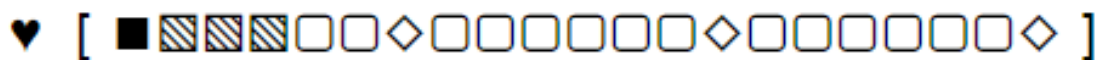
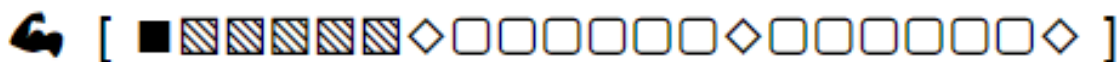
– После такого не живут. Или живут, но крайне недолго. Надо успеть все заснять. Тогда, может, выберусь из этого клоповника. – Женщина чуть нахмурилась, включая подсветку на телефоне. – Пациент... Изяслав... поступил с обильным внутренним кровотечением. Хорошо различимы разрывы капилляров. Возможно внутреннее кровотечение. Терял сознание от болевого шока. В данный момент находится во вменяемом состоянии.

– Блядь! – возмутился я. – Может, лучше попробуете меня спасти?

– А чем? – искренне удивилась женщина. – У меня тут не реанимация. Даже не операционный кабинет. Это медпункт. Повязку тебе могу наложить. На все тело. Компресс. Но от внутренних повреждений это тебя не спасет. Как видим, пациент находится в сознании и рассуждает совершенно трезво...

Выругавшись, я не стал с ней спорить. Лиза явно списала меня со счетов и посчитала мертвым. Да и чувствовал я себя не лучшим образом. Но подышать так просто не собирался. К тому же, раз моего активного участия в съёмке видео «для истории» не требовалось, можно было заняться новинками.

Я закрыл глаза и скосил их на иконки. Те, будто почувствовав внимание, подсветились, а через несколько мгновений раскрылись.

Что за хрень? Я, кажется, читал о подобном. Или видел в фильмах? Когда человек попадает в игру, у него появляется аналог компьютерного интерфейса. Вот только я-то никуда не попадал. К тому же для компьютерной игры все выглядит слишком примитивно. Словно не иконки, а первобытные иероглифы, недотягивающие даже до египетских.

Бред... Может, я реально брежу? Получил удар по башке крупной градиной, и с тех самых пор мерещится всякое? Красные глаза малыша, зубастые тени, золотые яблоки, иероглифы...

Хотелось орать от злости, страха и обиды. Злости на несправедливую судьбу, страха сдохнуть тут или остаться калекой, обиды на эту тварь в халате, мечтающую построить карьеру на видео с моей мучительной смертью... Но демонстрировать слабость при посторонних, да ещё и на камеру я не хотел. А потому всё, что оставалось, – изучать собственные галлюцинации.

Я снова присмотрелся к иероглифам. Даже забавно будет попытаться разобраться в этом. Представить, что распухшее тело и чёртова Лиза – не настоящее, а странные символы – реальность. Загадка, которую во что бы то ни стало нужно разгадать. Что это? Зачем? Откуда?

Никаких цифр или надписей. Рассчитано на папуаса, который ни читать, ни писать не умеет? А может, это последняя разработка каких-нибудь сумасшедших ученых? А картинки специально подобрали для мультязычной структуры? Так, чтобы они вызвали однозначные ассоциации.

— сила, тут все понятно. И даже понятно, почему большая часть шкалы красная — я сейчас, мягко говоря, не в лучшей форме.

— выносливость. Учитывая, что я почти подышаю, к показателю, стремящемуся к нулю, тоже вопросов нет.

— очевидно, скорость. Хотя тут я уверен не на сто процентов.

— мозг или, вернее, интеллект. Интересно, папуасы знают, что такое мозг, как он выглядит и за что отвечает? Впрочем, не так важно.

— восприятие. Ну да, слышу и вижу я сейчас почти в два раза хуже обычного.

— а вот это последнее солнышко с пустой шкалой вызывало много вопросов. И никаких прямых ассоциаций. Но к главному я никак не хотел подходить.

— две улыбающихся рожицы и идущий рядом с ними череп явно составляли одну фигуру. Означать они могли только одно. Я стал кошкой и одну из трех жизней уже просрал. Вот только это все полностью противоречит здравому смыслу, законам физики и биологии. Человек живет только один раз. Всегда.

Но как бы бредово это ни звучало — другого объяснения у меня не было. Я выжил и с каждой минутой чувствовал себя лучше. Что само по себе прогресс. К тому же очнулся раньше соседа по палате. А ему явно оказывали не меньше внимания. Да и ситуации у нас ничем не отличались.

Кроме съеденного мной яблочка.

Я отчетливо вспомнил темноту и крохотное золотое яблоко на ладони ребенка. Что за бред. Нет, понятно, что с яблоками у нас половина истории связана. От Ньютона до Джобса. А, по утверждению Библии, так и вовсе вся. С него все началось. Но мы же черт возьми не в старом завете. Да и само яблоко... Только дети верят, что это именно фрукт, а не завуалированный образ секса.

Блядь. Я что, всерьез думаю о том, что переродился и имею две жизни в запасе? Что за чушь лезет мне в голову? Глюки, это просто глюки. Переиграл в рпгхи и борду. Нет. Надо избавляться от иллюзий. Подохну — так подохну окончательно. А сейчас мне просто повезло. Лежу. Не дергаюсь. Наслаждаюсь мягкой кроватью.

Так я и попытался сделать. Благо непрекращающееся землетрясение замечательно укачивало. Закрыв глаза, я почти смог уснуть, когда от очередного усилившегося толчка кровать, скрипя, поехала по полу. С трудом разлепив веки, я увидел, как съежилась, крича, уставшая врач. В панике оглянулась по сторонам. И замерла, остолбенев от страха.

Проследив за ее взглядом, я, похолодев, увидел разрастающуюся трещину, идущую через всю стену и потолок. Только что она была едва заметна под плиткой. Но стоило грохоту полностью поглотить остальные звуки, как плитка посыпалась на пол.

– Ви-и... – завизжала в ужасе женщина, прикрыв голову от валящейся на нее плитки.

Я выmaterился сквозь зубы, тоже пытаюсь прикрыться непослушными руками. Беспомощность лишь умножала ужас от происходящего.

– Что? – заскочил в комнату запыхавшийся начальник станции. Мгновенно оценив ситуацию, он схватил доктора за плечи и как следует встряхнул. – Медикаменты? Аптечка? Инструменты? Где?

– В шкафах, – ошалело ответила Лиза. – Рассортировано...

– Да еб твою мать, – выругался старлей. – Собирай, что можешь унести, и на выход. Тут сейчас обрушится все!

Сам он подхватил лежащего на соседней кровати полицейского. Взял его на загривок и выбежал прочь. Врач, будто очнувшись ото сна, забрала ноутбук и какой-то рюкзак, но на пороге остановилась, оглянувшись.

Надо же, я всё же не кусок мёртвого мяса в её глазах. Или она просто хочет успеть снять мою смерть и прославиться?

– Что встала?! Бегом! – крикнул ее Михаил. – Я за ним вернусь!

Я был рад, что хоть он ещё не поставил на мне крест.

Женщина послушно отступила на шаг. Затем еще на один – и выскочила из кабинета вслед за начальником станции. Я попытался сам встать с кровати, но смог лишь свалиться на пол. Прикованная наручниками рука не позволяла отойти от кровати. Жуткий грохот заглушал звуки снаружи, но крики и ругань пробивались даже сквозь него.

– Выводи всех в зал! Под защиту колонн! Всех в зал! – орал начальник станции, разрываясь между мной и полутора сотнями людей, застрявших на станции. Он сделал правильный выбор. Как и должен был. Но, к сожалению, не в мою пользу. Крики отдалились, а когда в двери замаячил силуэт грузного начальника, было уже поздно.

Переборки не выдержали. С жутким грохотом бетонная плита рухнула, осыпая все осколками плитки. Прикованный наручниками, ослабший, я едва успел протиснуться под кровать. В последнее мгновение я увидел злое и разочарованное лицо начальника станции. А затем все закрыло облако поднятой от удара пыли.

Меня оглушило. Прижало покореженной кроватью к полу. Сквозь матрас и железную решетку прошла толстая арматура. Ноющую боль во всем теле затмила новая, от страшной раны. Я взвыл, пытаюсь зажать ее ладонью. Черная, толчками выходящая из дыры кровь потекла по опухшим пальцам. Сердце сжалось, и я отчетливо понял, что умираю. Второй раз за сегодня. Взгляд заволокло черной пеленой. А затем темнота вновь озарилась вспышками боли. Я умер? Воскрес? Не могу сказать, что воскресать было проще, чем умирать. Но приятнее – определенно.

Мне не потребовалось искусственное дыхание, чтобы начать хватать ртом воздух. Арматура каким-то чудесным образом оказалась чуть в стороне от тела, разминувшись с ним всего на несколько миллиметров. Но оставшаяся боль явно говорила, что это не прошло даром. Боль и смерть не глюк и не галлюцинация. Всё слишком реально. Слишком больно.

– у меня осталась одна жизнь. Как и положено человеческому существу. Вот только ненадолго. Надо мной нависало несколько тонн бетона. Ветер выл в потрескивающей неустойчивой конструкции. Мороз неприятно щипал кожу. Если меня не прикончит свалившаяся балка – убьет переохлаждение. Есть только один шанс – что меня кто-то вытащит наружу. Но, кажется, сегодня у спасателей и без того много работы.

Взглянув в едва виднеющуюся щель между плитами, я криво улыбнулся. Между мной и свободой всего несколько десятков сантиметров. Но без спасательной бригады и подъемного крана их не преодолеть. Черт. Как бы я хотел просто оказаться там.

Откуда-то из самой глубины моего подсознания всплыла мысль. Нет, даже не мысль. Чуждое. Дикое желание жить. Любой ценой. Оно было настолько острым, что я просто не мог сопротивляться. Первобытный страх, перерастающий в осознанное желание. Желание.

Желание... Желание! ЖЕЛАЙ! Я вздрогнул. Это была не моя мысль. Она существовала параллельно моему сознанию. Всплыла откуда-то из другой части мозга. Жгучая, словно раскаленная сковорода. Не позволяющая думать о чем-либо другом.

ЖЕЛАЙ!

Глава 3

Я едва сдержался, чтобы не пожелать обычного – мирного неба над головой. Как там у классиков? «Счастья всем, даром. И чтобы никто не ушел обиженным»? Нет. Это глупость сродни детским сказкам. У каждого свое счастье. И что счастье для одного – для других горе.

ЖЕЛАЙ!

Нет. Даже дети знают, чем оборачиваются глупые и непродуманные желания. Нет никого и ничего совершенно всемогущего. У цветика-семицветика, золотой рыбки и лампы Алладина есть только один закон. Желать нужно очень осторожно. Выбирать простые, осуществимые, личные...

ЖЕЛАЙ!!!

Сука! Не напирай!

ЖЕЛАЙ!!!!

Выбраться! Я блядь хочу выбраться из-под завала! Хочу оказаться с той стороны бетонной стены. ВЫЖИТЬ!

Стоило яростно подумать об этом, пожелать всем сердцем, и жгучая мысль отступила. Разум на секунду стал кристально ясен. А затем боль ударила с новой силой.

Нет, это не съехали плиты. Не прогнулась стойка кровати. И даже не открылось прекратившееся кровотечение. Боль ядовитым плющом разрасталась по всему телу. Вгрызалась в кости. Пережевывала в кашицу мышцы. Окутывала шипами мозг.

Я до скрипа сжал зубы.

Казалось, агония длится уже много часов. Я потерял счет времени. Мысли текли как отработанное машинное масло. Медленно, оставляя отвратительные черные потеки сожаления в мозгу. Даже холод едва мог пробиться через терзающую меня боль. А когда я уже окончательно смирился со смертью, все резко прекратилось.

Мне стало тепло и уютно. Жуткий ветер утих, словно отдалившись. Через закрытые веки я видел ровный свет. Меня едва заметно покачивало, словно младенца в колыбели. Я наконец просыпался от кошмара. Сколько же я спал, что умудрился отлежать и руки, и ноги? Они онемели и плохо слушались. И только в углу зрения опять застряла соринка. Но я не хотел на нее смотреть.

Пора просыпаться. Сегодня работаем в «Москоу-Сити». Надо ребятам новую страховку подогнать. И не забыть карабины.

С этой мыслью я открыл глаза и тут же закрыл их обратно. Сон, это просто дурной сон. Надо просыпаться.

– О, кажется, проснулся, – донесся до меня уже знакомый уставший голос Лизы. – Михаил Иванович, пациент приходит в себя.

– Отлично. Может, теперь получим несколько ответов, – сказал, подходя, начальник станции. – Продолжайте собирать вещи!

– Есть! – ответили ему полицейские.

– Доброе утро, – подсаживаясь ко мне, буркнул Михаил. – Вставай, спящая царевна. Или, как в прошлый раз, без оплеухи не обойдемся?

Выругавшись про себя, я открыл глаза и окончательно отбросил спасительную теорию о сне. Нет. Весь этот кошмар творится наяву. Надо мной – светодиодные лампы и округлый потолок станции. Пол продолжает потряхивать, хотя и не так сильно. Запахи гари и пыли бьют в ноздри.

– Спасибо, что вытащили, – прохрипел я.

– Вытащили? Ха. Я бы принял благодарность за последнее койко-место и обогрев, – жестко улыбнулся начальник станции. – А вот за то, что ты выбрался, благодарить не стоит. Не

моих рук дело. Ты просто оказался снаружи и все. И мне очень хотелось бы знать, как именно ты это сделал, Копперфильд.

– Понятия не имею, – честно ответил я. – Просто очень хотел выбраться.

– Если очень захотеть, можно в космос улететь, – хмыкнул Михаил. – Ладно. Допустим. А что с твоими ранами? При осмотре Лиза нашла, по крайней мере, один шрам от смертельного ранения. Тебе пробило печень. А во время первого осмотра этого шрама не было. Как объяснишь?

– Может, она просто недоглядела? – прохрипел я, не собираясь рассказывать о глюках. Я пока и сам не понимал, что со мной происходит. Но в углу зрения все так же красовалось несколько символов. И последний оказался новым.

Круг в круге. Хотя скорее овал. Что он мог значить?

– Может, и проглядела. Стресс дело такое, – задумчиво проговорил Михаил. – Ладно. Наручники я с тебя снимаю. Смысла в них уже не очень много. Тем более ты будешь на виду у всех, а койка, боюсь, скоро понадобится. Если есть жалобы – говори мне или Лизе. Пока пойдем, отведу тебя к остальным.

Не желая слушать возражений, он вывел меня из отгороженной ширмой комнаты в общий зал и посадил к гудящей пушке, нагнетающей теплый воздух. Я ошарашенно озирался. Станция осталась прежней, но при этом изменилась до неузнаваемости. Ее начали обживать пассажиры.

Начальник отошел к двум другим служивым. Они перетряхивали собранные в кучу вещи. Откладывали в сторону одежду и съестное.

Люди, хмурые и ежившиеся от холода, столпились у нескольких работающих на пределе тепловых пушек. Очевидно, какой бы план спасения ни был у государства на такой случай, пока он не вступил в силу. Или мы его на себе не почувствовали.

– Ты как? – неожиданно донесся до меня молодой мужской голос, и, оглянувшись, я увидел парня лет двадцати. Он протягивал кружку с чем-то ароматным, и отказаться у меня просто не нашлось сил. – Не против, если я рядом сяду? Елагин, Герман, помогаю полиции.

– Слава, – пожал я крепкую руку парня. – Тоже помогал.

– Видел. В одной из машин был, когда вы нас вытащили. Этот суп тебе в виде благодарности. Как ты вообще? Я думал, тебя плитой прижало – и с концами, – бесхитростно сказал парень.

– Выбрался как-то, – ответил я, отхлебывая быстрорастворимый суп. Бульон обжег верхнюю губу, но после агонии перерождения это была приятная боль. – Что тут происходит? Какие новости? А то я даже счет времени потерял.

– Если с самого большого П, то часов двадцать прошло. Не меньше, – сказал парень, взглянув куда-то вверх. – Буря не стихает. Начальник закрыл гермостворку, но землетрясение знатно потрепало станцию. Многие секции обвалились. Проводка держится на мате, синей изоленге и честном слове.

– Двадцать часов? – я чуть не поперхнулся. Выходит, я провалялся в беспамятстве почти сутки. Тогда понятно, почему люди выглядят как пришибленные. Обычная катастрофа должна была уже кончиться. Ни одно землетрясение не может продолжаться весь день. Пик бури не продлится дольше десятка часов. Это ненормально. Хотя о чем я? Будто можно говорить о нормальности, когда у меня появился интерфейс.

– Ага. – Герман достал смартфон, переведенный в режим максимальной экономии. – Еще трое суток протянет на зарядке. Связи нет. Никакой. Сети нет. Буря стала только жестче. Ну, хоть разломы новые образовываться перестали. Хуже уже не будет.

– Будет, – угрюмо сказал сидящий в нашем же круге черноволосый мужчина с крючковатым носом. – Обязательно будет.

– Да что вы каркаете? – отмахнулся волонтер. – Что может плохого случиться?

– Что? Тебе список? – зло взглянул на нас мужчина. – Мы в десятке километров тоннелей от Москвы реки. Если землетрясение разрушило грунтовые укрепления и отводящие трубы – через пару часов нас начнет подтапливать. Если повезет, вначале вода пойдет в станции глубокого залегания и на кольцевую. Тогда у нас сутки.

– Разве насосы не справятся? – спросил Герман. – Они же на каждой станции установлены. Электричество есть, все в порядке.

– Если вода пойдет не от дождика, а из реки – ничто не спасет, кроме перепада высот и обрушения туннелей, – заявил крюконосый мужчина. – Даже молиться будет бесполезно. Перекрыть туннель у нас не выйдет, там вагон застрял. В общем – жопа.

Я поёжился, представив перспективу.

– Спасибо за воодушевляющую речь, блин, – едко ответил Герман. – Ну, раз воды до сих пор нет, значит, все в порядке. Так ведь?

– Жрать охота. Надо что-то придумать. А то в животе уже урчит, – невпопад заметил качок, явно на массе. Медицинская маска была ему мала, едва закрывая рот и нос. – Эй! Начальник! У вас же тут сухпай должны быть, как раз на такой случай. Раз мы тут застряли, не пора ли ужин устроить? А то у всех личные запасы к концу подходят.

– Верно говорит! – поддержал качка крюконосый. – Мы для этого налоги платим, чтобы государство нам помогло в экстренной ситуации. А не для того, чтобы обирало до последней нитки. А вы вместо помощи все вещи отобрали! Хватит это терпеть!

– Хватит это терпеть! – тут же вскинулось несколько подростков. – Вы должны...

– Тихо! – перекрывая нарастающий гул, выкрикнул Михаил. – Мы забрали вещи, чтобы перераспределить их между нуждающимися. Сухпай как и медикаменты, останутся на складе до того, как станет понятно, что ситуация неразрешима! Прошло меньше суток с начала бури. Вскоре все успокоится. У нас есть электричество и вода. Тепло на станции поддерживается на должном уровне...

– Нет! Хватит! Мы здесь власть! – выкрикнул рослый парень, срывая маску. – Государство не выполняет своих обязательств! Вы как его представитель обязаны служить народу!

– Служилка не лопнет? – попробовал вернуть фразу начальник станции, но его слова потонули в реве толпы, поддерживающей крикуна. В бою между мозгом и желудком последний выигрывал с большим отрывом. И это даже несмотря на наличие у полицейских оружия. А вот у меня полицейские вызвали все больше сочувствия и одобрения. Они делали хоть что-то.

– Прочь! Мы сами разберемся! – сказал качок. – Раз вы нам ничем помочь не хотите и не можете – справимся без вас. Верно я говорю, мужики? Их тут всего четверо...

– Пятеро! – выкрикнул Герман, вскочив с места и встав рядом с полицейскими.

– Шестеро, – сухо сказал спокойный невзрачный мужчина. Я впервые обратил на него внимание, хотя мог поклясться, что он был здесь с самого начала.

– Граждане, успокойтесь! – снова заговорил Михаил. – Мы организуем раздачу продуктов, как только это станет возможно. По уставу я должен выждать двадцать четыре часа или дожидаться сигнала о введении чрезвычайного положения. Пока не произошло ни того, ни другого.

– Четыре часа можно и подождать, – громко сказал я. – Зачем конфликтовать? Лучше вздремнуть, а потом поесть как следует.

– Тоже разумно, – согласился качок, смотрящий на оружие полицейских. – Потерпим четыре часа. Верно? А если они затянут – возьмем все в свои руки!

– Через четыре часа может быть уже поздно, – сказал крючконосый. – Если начнет затапливать станцию...

– Да не будет такого. Иначе мы все уже давно плавали бы, – отмахнулся детина. – Я Василий Бочкарев, кмс по пауэрлифтингу. Бизнесмен...

Мужики и подростки собрались вместе, знакомясь и обсуждая ситуацию. В основном, правда, говорил именно Василий. В нем чувствовалась уверенность и мощь. В отличие от перешагнувшего за четвертый десяток Михаила, он мог похвастаться тем, что к нему тянулись и женщины, и подростки. Я понял, что началось формирование нового авторитета. Но вливаться в коллектив не собирался.

– Как ты себя чувствуешь, Изяслав? – спросил внезапно оказавшийся рядом серый мужчина. От неожиданности я чуть не подпрыгнул. Только что рядом со мной не было никого, и тут же место оказалось занято.

– Плохо, но поправляюсь, – ответил я, допивая остатки супа.

– Похвально. Знаешь, что я заметил? Паренька, которого ты спас, нигде нет. Он будто испарился. Больше того, я не уверен даже в поле и возрасте спасенного. А это редкость. – Он чуть улыбнулся. Сухонький, с начинающей появляться залысиной. Неопределенного возраста и социального статуса. Неужели мне реально повезло напороться на шпика? И не такого, как два клоуна, ездивших смотреть на шпиль-вили, а самого настоящего.

Ещё вчера я бы начал волноваться по поводу подобного внимания, но сейчас, после всего произошедшего...

– Я думал, такие, как вы, перевелись, – без особых эмоций ответил я. – Может, хоть представитесь для приличия? А то вы мое имя знаете и, скорее всего, не только имя. А я вас впервые вижу.

– Сергей, – будто издеваясь, ответил мужчина, протянув руку. Секунду поколебавшись, я ее пожал. – Пойдем. Твоя помощь может понадобиться.

– Я сейчас не в том состоянии, чтобы суметь кому-то еще помочь, сам едва отхожу, – заметил я, ставя кружку на пол.

– Для помощи ближнему никогда не поздно, а иногда хватит даже не слова, а вида, – ответил Сергей, хлопав меня по плечу. Странно, но боли почти не было. – Идем, и я покажу тебе это на практике. Поверь, это может спасти многих от увечий и лишнего кровопролития.

– Да как это поможет? – удивился я, но предложение принял. Мы подошли к полицейским, и ждавший нас Герман довольно улыбнулся. Михаил кивнул, но довольным он не выглядел. Стоило оказаться рядом с волонтером и полицией, как к нам тут же присоединилось еще несколько человек.

– Критическая масса, – шепотом сказал Сергей через несколько секунд. – В основном это те, кого вытащили из машин. Они видели, как ты спасаешь ребенка, и решили последовать за тобой.

– То есть вы меня тупо использовали как флаг?

– Именно. Но, согласись, цель благородная, – улыбнулся шпик.

– Вот только что с его обещанием делать? – строго спросил Михаил. – Склад завалило. И медикаменты, и провиант остались на той стороне. Народ на грани. А вылезать на поверхность – чистое самоубийство. К тому же инспектор прав. Вода может нахлынуть в любой момент. Нужно подумать о том, чтобы выводить людей.

– Куда? В бурю? Под град размером с кулак? – покачал головой Сергей. – Нет. У вас есть обязанности, устав и приказы.

– Это верно. Только там наводнение, землетрясение и ураган – это три разных пункта. Ни одним приказом такое не предусмотрено. Мы не просто в жопе. Случился большой пиздец,

которого многие с таким нетерпением ждали. – Михаил в сердцах сплюнул на пол. – Но, если есть предложения, я их с удовольствием выслушаю.

– Нужны продукты. Так или иначе, – прервал я повисшую тишину. – Можно одеть одного-двух человек в несколько курток и шапок, чтобы град не пробил. Соединить страховку и отправить их наверх. Рядом должны быть магазины. Продуктовые в шаговой доступности. Я помогу сделать страховку и объясню, как пользоваться.

– Может, и не придется далеко идти, – вмешался в разговор Герман. – Я как раз домой из магазина ехал. Набирали на неделю и на праздники. Может, на один раз продуктов хватит на всех.

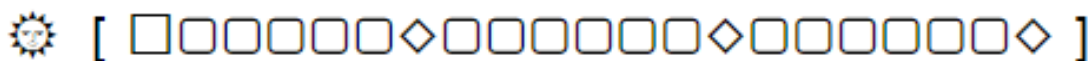
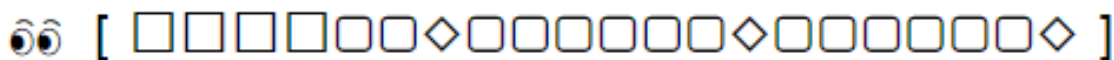
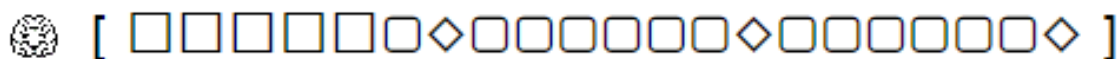
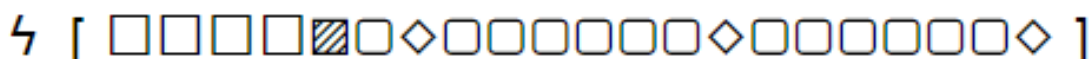
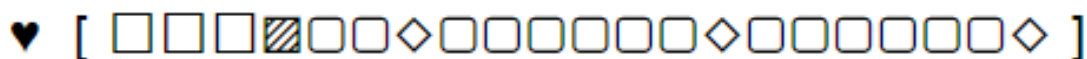
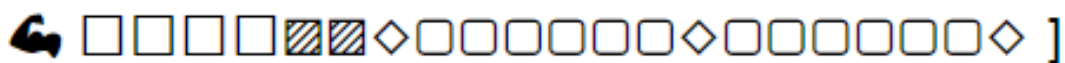
– Отлично, значит, вы двое и пойдете. Герман парень крепкий, справится. А Слава покажет, что и как нужно делать, – воодушевленно сказал Михаил.

– Я тоже помогу, – кивнул Сергей, поддерживающий меня под руку. – Должен же кто-то страховать ребят. А вы и без меня справитесь. К слову, если с завалом не решить в ближайшее время, помощи мы можем не дожидаться. Советую начать разбор завалов немедленно. Но вначале – разрядите обстановку.

– Ясен хрен, – недовольно хмыкнул Михаил, поднимаясь, а затем громко, на всю станцию, заявил: – Дети, беременные женщины, старики! Подходите для утепления! Мы готовим спальные места...

– Идем, – поддерживая меня под руку, Сергей помог взобраться по перекошенным ступеням. Гермостворка оказалась закрыта не полностью, ее перекосило градусов на пятнадцать. Механизм заело, да так, что в щель легко мог пролезть взрослый мужчина. Что мы и сделали, протиснувшись один за другим.

Для полумертвого я себя чувствовал даже слишком хорошо. Руки и ноги слушались все лучше. Отек постепенно спадал. Улучив момент, я скосил глаза на интерфейс.

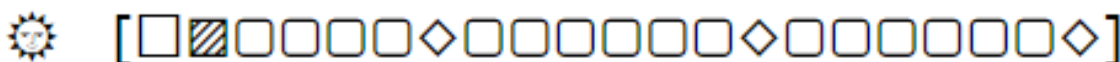
Моя сила и скорость быстро восстанавливались. Зрение, слух и обоняние полностью пришли в норму. Думал я как обычно. В общем, будто просто вчера сильно перетренировался, а не умер два раза. Неестественно. Но от этого не менее потрясающе. А то, что я видел это в значках и шкалах? Ну так что с ним? Единственное, что меня смущало, стоящий отдельно значок –

Стоило зацепиться за него взглядом, и он отделился от основного интерфейса. Словно соринка он следовал за направлением взгляда. Но стоило посмотреть чуть дальше пары метров – покраснел. Учитывая, что я никак не контролировал процесс движения и слабо понимал, что это такое, меня это сильно смутило.

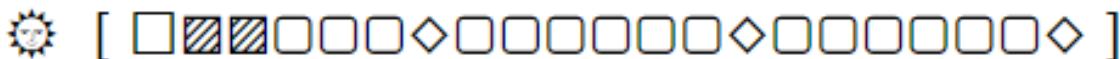
– Что-то не так? – вкрадчиво спросил Сергей.

– Ничего, просто голова закружилась, – соврал я, пытаюсь понять, что этот значок должен олицетворять и для чего служить.

Стоило задержать взгляд в ближней зоне, как он мгновенно начинал раскручиваться. Казалось, еще секунда – и что-то произойдет. Но я совершенно не хотел после бури попасть на опыты в какое-нибудь НИИ ЧАВО. А потому перевел значок в красную зону, посмотрев вдаль. В интерфейсе замигал красный квадрат.

Ага, а если отодвинуть еще дальше? На едва виднеющуюся противоположную сторону улицы?

Выходит, это нечто требует заполнения шкалы? А сама медленно заполняющаяся шкала... мана? Может, аналогия и дурацкая, но единственная, которая пришла мне в голову. Стоило подвести взгляд к собственным ногам – значок исчез. Значит, что бы это ни было, у него есть максимальный и минимальный радиус действия. При этом максимальный зависит от маны, а минимальный – от моего местоположения. И если это что-то зависит от моего загаданного ЖЕЛАНИЯ.

– Отдышался? – спросил Сергей. Голос был совершенно ровный, безучастный. Но не безэмоциональный, как могло показаться вначале. – Герман, начинай одеваться. Я побуду со Славой, пока он не отойдет.

– Хорошо, сделаю, – кивнул парень.

– Я даю тебе гарантию безопасности, – прошептал Сергей. – С тобой ничего не случится, обещаю. Понимаю, в это сложно поверить, но человек с твоими физическими данными куда ценнее в качестве сотрудника, чем в качестве образца.

– Вы что?

– Нет, мысли не читаю. Хотя это было бы максимально полезно. Но твои сомнения понять можно. Помоги мне разрешить кризис, и после окончания катастрофы получишь рекомендацию в академию. Поверь, с ней тебя возьмут без проволочек. Три года учебы – и получишь отличную рабочую специальность себе по вкусу. Деньги, уважение коллег и важная миссия прилагаются, – пообещал Сергей. – У тебя есть отличные задатки оперативника и офицера. Но прежде мы все должны выжить. А для этого нужно есть.

– Хорошо. Я подумаю, – ошарашенно ответил я. – Герман, ты готов? Нужно обвязать тебя страховкой.

Глава 4

– Я себя космонавтом чувствую, – весело произнес Герман, с трудомдвигающий руками из-за обилия одежды. – Земля, прием-прием.

– При нем. Скалолазанием занимался? – хмыкнул я, дергая страховку. – Смотри сюда, нужно будет зафиксировать себя, есть три карабина. Главное, тщательно выбирай, за что цепляешься. Иначе мы тебя обратно можем не вытянуть. До машины лучше перебираться короткими перебежками с подветренной стороны.

Я проговаривал и без того очевидные вещи, но опыт подсказывал, что провести инструктаж необходимо. Тем более в экстренной ситуации. В отличие от прошлой вылазки, снаружи почти ничего не было видно. Во мраке едва угадывались редкие горящие фонари. А силуэты машин скрывались за оранжевым бураном.

– Доберешься – обязательно закрепись. Вторая страховка для перетаскивания. – Я подёргал за шнур, показывая, что он свободно двигается в карабине. – Суешь продукты в рюкзак, мы его вытаскиваем и перетягиваем обратно уже пустым. Потом повторяем. Повезло, что ветер только с одной стороны, можно найти укрытие.

– В идеале обследовать не только одну машину, но и соседние. Может найтись что-то полезное, – заметил Сергей, наблюдавший за нами чуть издалека. – Но пока первоочередная задача – продукты. У тебя был седан или купе?

– Я брал «форд» в прокате. Седан, – уточнил Герман.

– Значит, есть доступ к багажнику с пассажирского сиденья. Заходи сбоку. Это безопаснее, чем пытаться открыть дверь сзади. Заодно автомобиль прикроет тебя от ветра, – сказал Сергей, берясь за конец страховки, перекинутой через перила. – Готов?

– Да, – кивнул, чуть подпрыгивая от волнения, парень. Он нацепил очки для плавания и поплотнее накрутил шарф на лицо. Дверь легко подалась внутрь, запуская поток холодного ветра. Буран из снега и песка ворвался в помещение вместе с ярким морским запахом. Это у нас-то, в Москве?

Но размышлять о птичках было некогда. Стоило Герману выйти наружу, как ураганный ветер повалил его на асфальт. Я уже думал втягивать его внутрь, когда парень на четвереньках пополз вперед. К счастью, дорога хоть не была покрыта льдом. Ремонт ей не помешал бы. Ямочек и трещин хватало, цепляясь пальцами за выемки, Герман скоро оказался у перевернутой машины.

Мы настороженно ждали, готовые в любую секунду втащить его обратно. Вместо этого страховка дернулась и ослабла. Растворившийся в урагане парень, похоже, сумел закрепиться, и я выдохнул с облегчением. Посылать другого на опасность оказалось не слишком приятным делом. Вскоре веревка два раза дернулась, как договаривались, и, привязав рюкзак, мы перетаскивали его к Герману.

Ждать пришлось больше пяти минут. И я уже снова начал переживать за парня, когда условный знак повторился. Я остался страховать Германа на основной линии, в то время как Сергей втащил и опустошил рюкзак. Надо сказать, приоритеты у парня были правильные, из рюкзака посыпались консервы. В таком количестве, что хватит на похлебку даже на сотню человек.

– Отлично, – довольно сказал Сергей. – С этим уже можно жить.

– Нужно его возвращать. Ветер усиливается, – заметил я.

– Рано. Если они на весь месяц запасались, там еще рюкзака два наберется, – покачал головой Сергей. – Он в машине. Почти в безопасности. Все будет нормально.

– Я в этом не уверен. Надо было хоть рации взять.

– Они в буре не работают, – отрезал Сергей, стягивая рюкзак ремнями. Разумно. В результате пустая сумка уменьшилась в несколько раз и ее не так сносило ветром. Теперь Герману потребовалось больше времени, и веревка дернулась только через десять минут.

– Все. Хватит, – сказал я, когда из рюкзака начали появляться банки и пачки макарон. – Надо его возвращать.

Не дожидаясь пока Сергей ответит, я несколько раз дернул за страховку и получил такое же сообщение в ответ. Выругавшись, посмотрел, как опустевший рюкзак начал ползти обратно в ураган. Похоже, парень решил погеройствовать и достать как можно больше провизии. В чем шпик его полностью поддерживал.

Сквозь вой ветра донесся едва слышный скрежет. Страховка сильно натянулась, и мне пришлось всем телом повиснуть на блоке.

– Сюда! Быстрее! – прохрипел я, пытаясь втащить Германа обратно.

Больше Сергей не спорил. Бросив веревку с рюкзаком, он перебежал ко мне и обеими руками вцепился в трос. Но сдвинуть Германа мы не смогли даже вдвоем.

– Держи здесь. Я перекину блок, – сказал я, оставляя край на Сергея. Легко сказать, перекину блок, если делать его не из чего. Я с трудом нашел подходящие места для крепления. Быстро соорудил двойной узел и повесил ролик. Хорошо хоть, они хранились с остальной снарягой. Всего за минуту блок был готов.

– Тяни, теперь вес станет в три раза меньше, – сказал я, накидывая веревку. – Основной карабин такое напряжение выдержит, запасной не должен. Если парень отрубился в процессе – дотащим.

– На сколько рассчитана веревка? – спросил Сергей через минуту.

– Это статика. Хорошая. До двух тонн, – ответил я, не понимая, к чему вопрос.

– А карабины сколько выдержат? – продолжал допытываться шпик.

– Основной – больше двушки. Вспомогательные не больше полутора на момент. Да в чем дело-то?

– Есть у меня ощущение, что мы машину пытаемся тащить. Лежащую на крыше, – ответил Сергей. – А что еще хуже – его, возможно, придавило.

– Сука, – выдохнул я, с яростью ударив по перилам. – Я же говорил, надо было его раньше вытаскивать! Раздевайся.

– Что? – не сразу понял Сергей.

– Я его там не оставляю! Снимай куртку и штаны, – не сдерживаясь, выкрикнул я. Быстро оглянувшись, привязал страховку к одной из колонн. Получился еще один фрагмент для блочной передачи. Надо отдать должное шпику, он не спорил. Больше того, где-то сумел раздобыть короткий пожарный лом со странным шипом сбоку и лопаткой.

– Если его и в самом деле прижало машиной – «хулиган» может пригодиться, – сказал Сергей, протягивая мне инструмент и стопку одежды. Сам он остался в подштанниках и водолазке, внезапно оказавшись куда более внушительного телосложения, чем могло показаться. Под мышкой у Сергея висела аккуратная кобура. Матерясь, я натянул на себя второй свитер. Собственную куртку и пуховик шпика. Укутал лицо шарфом, оставив крохотную щель. Вторых очков для плавания мы с собой не прихватили.

Несколько раз глубоко вздохнув, я шагнул в буран. Словно нырнул в прорубь с ледяной водой. Ветер оказался в несколько раз сильнее, чем в прошлую вылазку. Меня почти сразу повалило на асфальт. Но я успел вонзить шип тяжелого «хулигана» в дорогу. Не ледоруб, но тоже ничего.

Дорога с трудом пережила землетрясение. Покрылась сеткой трещин. Разошлась на сантиметры. В буре едва угадывалось продолжение разлома, который обрушил часть метрополитена и послужил причиной второй смерти.

Подтянувшись, я быстро ударил инструментом в сторону. Забрался за первое укрытие и пополз вдоль страховки. До машины я добрался быстрее Германа. Но оказался недостаточно проворен, и несколько градин обновили палитру боли. Отлично. Теперь я знаю, каково это, получить по ногам ледяным кулаком.

Добровольцу досталось куда больше, чем мне. Машину и в самом деле сдвинуло особенно сильным порывом ветра, и крыша наехала ему на ногу, защебив голень между стойкой и дорогой. Говорить при таком ветре было невозможно. Я хлопнул парня по плечу и показал сжатый кулак. Тот кивнул, обозначая, что все понял. Теперь оставалось только просунуть полученный лом под машину и поднять крышу. Главное, чтобы хватило сил.

— появилось прямо перед глазами. Что за чертовщина? Не вовремя! Я помотал головой, но это несильно помогло. Однако вместе с тем я уловил боковым зрением несколько красных точек.

Опять глюки? Некогда по сторонам глазеть!

Держась за стойку, я подогнал выступающую из «хулигана» лопатку под машину рядом с ногой Германа, а затем навалился всем телом на рычаг. Металл жалобно застонал, прогибаясь. Крыша медленно пошла вверх, и я пинком высвободил ногу парня. Его стон можно было слышать даже через вой ветра. А в следующую секунду произошло сразу несколько событий.

— резко увеличилось в размерах, загородив половину поля зрения. Затем так же резко уменьшилось и ушло в угол. Но теперь я чувствовал приближение опасности. Из моей души вновь поднималась чья-то обжигающая мысль. Не враждебная, но и не дружественная. Просто чуждая. И она тоже хотела жить.

Я оглянулся и уперся взглядом в несколько красных силуэтов, рядом с которыми горели значки опасности. Враг. Рядом. Прямо здесь. Сейчас. Бой!

«БОЙ!» — ревело существо у меня в голове, толкая на самоубийство.

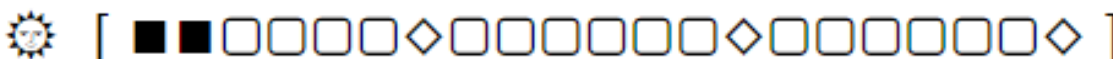
— Нахер пошел, — процедил я сквозь зубы. — Я здесь не за тем, чтобы драться.

Подхватив под руку Германа, я отстегнул его мешающий карабин и дернул за страховку. Ответ последовал немедленно. Сергей работал за десятерых, быстро перебирая веревку, а блоки уменьшали наш вес в четыре раза. Вот только моего мнения никто не спрашивал.

Из бури выпрыгнуло существо, слегка напоминающее собаку. Полтора метров в холке, с телом, покрытым костяными наростами. Защищенные пленкой глаза едва виднелись в щелях брони. Из плотно сжатой пасти торчали длинные клыки. Думать, что именно собачка хочет со мной сделать, не приходилось.

Преодолевая ветер, она прыгнула вперед, прямо на подстеленный гвоздодер «хулигана». Металл пробил кость и вошел на несколько сантиметров, но прибить тварь не смог. Монстр отпрыгнул в сторону, а затем вновь ринулся на меня. Но теперь и я был наготове. Ударил по дуге, надеясь если не убить, то, по крайней мере, отбросить противника в сторону.

Повезло, в последнюю секунду что-то заставило меня взяться чуть ниже. Шип на конце пожарного инструмента вонзился ровно под ухо твари, легко пробив и броню, и череп. Пришлось приложить усилие, чтобы выдернуть его обратно. Но оставаться без столь ценного оружия я не хотел. На подходе было еще несколько хищников.

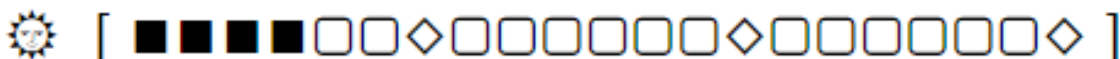

Мигнуло в углу. Пополнилось количество опыта за убийство? Или энергии, раз она используется для способности? Что бы это ни было – оно выросло, но как его применить, я пока не знал. Зато отчетливо понимал, что нужно как можно быстрее добраться до спасительного метро.

Закинув руку Германа себе на шею, я пошел быстрее, позволяя страховке втянуть нас внутрь. Но она, как назло, замерла в нескольких метрах от входа на станцию. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять причину, – внутри тоже появился красный силуэт. Выругавшись, я поудобнее перехватил «хулиган».

Тяжелый пожарный инструмент плохо подходил для драки. По ощущениям, он весил больше пяти килограмм. Но для пробивания черепов тварей, наоборот, был идеален. Их нападение не стало неожиданностью благодаря интерфейсу, а я сумел подготовиться к следующей атаке.

Прыгнувший с ветреной стороны пес напоролся на острие. Я добавил импульса и перекинул противника через себя, прибив к асфальту. Выдергивая лом, возвратным ударом подломил атакующему псу лапу. Тот споткнулся, на секунду замешкавшись, но подняться уже не смог – шип пропорол основание черепа.

– пополнилось еще на два деления. Вот только в победе моего вклада было не больше половины. Мне не просто помогали целиться – мою руку буквально направляли.

– Быстрее, – пробормотал я больше себе, чем повисшему на плече Германи. Красные силуэты внутри станции пропали, веревка вновь натянулась, а когда мы оказались внутри, все стало ясно.

– Живы? – спросил Сергей, чье дыхание почти выровнялось. Я едва почувствовал отдышку от тяжелой работы. А ведь на его водолажке виднелось кровавое пятно.

– Не моя, – отмахнулся мужчина, заметив мой взгляд. – Один из песелей добежал, прежде чем подохнуть.

У входа в станцию лежало сразу несколько тел монстров. У всех были прострелены тела и головы. Не знаю, промахивался ли шпик, но пока я разбирался с тремя противниками, он прикончил десятерых. Превосходство огнестрела было очевидно.

– Ух, – сквозь зубы выдохнул Герман, когда я посадил его на пол.

– Нужно отнести его вниз, в лазарет, – сказал я.

– Да, вначале его. Можешь вести, только пусть после осмотра Лиза поднимется. Не уверен, что моих познаний в анатомии собак хватит.

– Для чего? – не понял я.

– Для вскрытия, конечно. Надо же понимать, что превратило стаю дворняг в кровожадных монстров, покрытых костяной броней, – ответил, нисколько не смущаясь, Сергей. – Я останусь на посту, чтобы другие твари не пробились вниз. И буду признателен, если ты мне вернешь одежду.

– Да, конечно, – быстро ответил я, поднимая Германа. – Скоро вернусь.

Я спустился к гермостворке, протиснулся через щель и помог перебраться товарищу. А затем мы осторожно дошли до освещенного лампами импровизированного лагеря. Но добраться до полицейских не смогли. Навстречу прыгнул качок.

– Что случилось? Помочь? – спросил он, буквально силой забирая Германа. – Спокойно, парень, сейчас доставим тебя к врачу. Куда вас эти полицаи послали? Угли из огня голыми руками выгребать?

– Просто отнесите его к медику, – громко, чтобы все слышали, сказал я. Несколько человек подошло ближе, но я протиснулся через начинающую собираться толпу к Михаилу. – Нужен человек с оружием. А лучше двое.

– Еб вашу мать. Что еще? – выругался начальник станции. – Бандиты уже нагрянули?

– Бандиты? Нет. Просто собаки озверели, – ответил я устало. – Бросаются на все живое. Ворвались на станцию и чуть нас не сожрали.

– Собаки? Да, и то правда. Пока буря не утихнет, мародеры вряд ли выберутся наружу, – потеряв подбородок, заметил Михаил. – Хорошо, немедля отправлю двоих охранять вход. Что с продуктами?

– Достали, но это могло дорого обойтись. Просто повезло, – сказал я, разворачиваясь, чтобы уйти. – Мне нужно вернуть одежду, а то Сергей там почти голый.

– Да, хорошо, – кивнул начальник станции. – Внимание, граждане! На поверхности все еще опасно. Из-за шторма обезумели животные...

Слушать его я не стал. Старый вояка, как может, выполняет свой долг. Пусть даже и за наш счет. Цель у него благородная, но... но я внезапно понял, что наши с ним цели могут и не совпадать. Снаружи происходило что-то по-настоящему страшное. И буря с затихающим землетрясением были только предвестниками надвигающейся беды.

В сопровождении двух полицейских я поднялся на поверхность, к полуобрушившемуся входу. Но когда мы уже были за гермошторкой, до нас донеслись частые pistolетные хлопки. Служивые бросились вперед, на ходу выхватывая pistolеты. Один из них запутался в проволоке, соединяющей рукоять и кобуру. Явно нечасто пользуется. Мне ничего не оставалось, кроме как подобрать булыжник.

– Никого! – сказал первый из полицейских, выглядывая наверх. Я готов был с ним согласиться, а вот интерфейс возражал. На мгновение загорелась и погасла предупреждающая надпись:

Но, в отличие от прошлого раза, силуэтов врага мне не подсветило. Просто опасность. Через секунду я понял, откуда она исходила.

– Сергей?! – я подскочил к шпику, у которого изо рта шла пена. Его конечности быстро набухали, как у меня или полицейского, лежащего в лазарете.

– Это что еще за чертовщина? – глухо спросил один из служивых, выпучив глаза, глядя на труп костелса. – Его это убило?

– Он еще жив. Нужно перенести его вниз, – сказал второй, быстро оглядываясь по сторонам. – И его, и продукты. Нахрен. Нахрен эту бурю. Нахрен поверхность, надо уходить в метро и закрываться с концами.

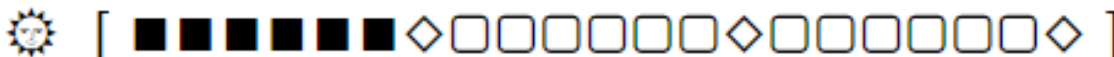
– Я покараулю, – мрачно сказал я. Сняв куртку шпики, я накрыл его сверху, незаметно переложив pistolет себе в карман. – Нужно, чтобы кто-то принес продукты. А еще тело пса на изучение доктору. А после спустимся вниз и заложим выход.

– Мысль здравая, – поддержал меня полицейский. – Я помогу набить рюкзак консервами.

Я кивнул, не собираясь ему мешать. В отличие от полицейских, меня интерфейс о приближающейся опасности может предупредить заранее. К тому же я на практике доказал, что от собак смогу отбиться с помощью лома. И его стоило подобрать в первую очередь. Пусть тяжелый – но достаточно эффективный.

Подойдя к месту, где бросил импровизированное оружие, я наклонился над одним из мертвых псов. Солнышко в интерфейсе мигнуло. Но шкала не увеличилась. Тогда я на всякий

случай прошел по всем трупам. Шкала медленно росла с каждым касанием и в конце концов сдвинулась на два деления.

– что бы это ни было, я добрался до первой границы. Хотя и не имел понятия, что тогда будет. Но при активации расстояние активности оказалось больше, чем дальность видимости в урагане. До двух метров – без затрат. От двух до десяти – одно деление. От десяти до двадцати – два. От двадцати до примерно тридцати – три. Дальше я уже расстояние отмерить не мог, ни черта из-за бурана не видя. Но примерно по одному делению на каждые десять метров.

Когда полицейский нагрузил рюкзак и спустился вниз, я наконец решился испытать новую способность. Пока никто не видит. Выбрал максимальное по расстоянию за единицу энергии место и задержал на нем взгляд с активно вращающейся иконкой.

В глазах на мгновение потемнело. Голова закружилась. Но когда пришел в себя – я стоял ровно на том месте, куда указал. Правда, на четвереньках, и меня чуть не вырвало.

– Дурацкая способность, – прошептал я, вытирая губы. – Легче пройти это расстояние, чем телепортироваться.

– Значит, это не глюк? – спросил чуть испуганный девичий голос. Затравленно обернувшись, я увидел едва различимую в темноте девушку во всем черном. От макияжа и волос до медицинской маски. – Нужно всем рассказать!

Глава 5

– Стой! Не нужно! – выкрикнул я, но девушка уже скрылась за гермошторкой. Догнать ее обычным способом я никак не успевал. Но проделать за три секунды двадцать метров был способен – и это вполне могло меня спасти. Я сжал зубы и вновь активировал способность.

– Ай! – выкрикнула девушка, на полном ходу врезавшись в меня на эскалаторе. В голове снова помутнело, но я успел поймать поручень и не рухнуть вниз.

– Стой, – восстанавливая дыхание, сказал я. – Стой, дуреха. Ты что, не понимаешь, что произойдет?

– В смысле, не понимаю? Ты же Трейсер! Супергерой! Вокруг апокалипсис, а ты появился, чтобы нас спасти. Об этом все должны знать! А как только восстановится сеть – я залью об этом «Тикток» и прославлюсь! – глаза девушки горели не хуже светодиодных ламп. Она уже видела миллионы подписчиков. Лайки, просмотры и репосты. – Я первая нашла супергероя!

– Забыла, в каком мире живешь? Хочешь вместо университета в колонию за разглашение гостайны? – строго спросил я. – Или, может, не видела тварей, что ждут снаружи? Или хочешь, чтобы тебя заперли, а на мне опыты ставили?

– Хватит меня пугать. Я не боюсь! – гордо вскинула прикрытый маской нос девушка. Да блин, ей сколько? Шестнадцать? Почему она себя так ведет? Возможно, тогда нужен совсем другой подход.

– Ты же знаешь, что каждый супергерой должен сохранять тайну? Иначе его найдет суперзлодей, убьет его самого и всю его семью. А начнет с того, кто знает эту тайну и кто ее разгласил. Так во всех комиксах бывает. Хочешь умереть от лап монстров? Может, для начала взглянешь на них, чтобы решить?

– Вы чего на эскалаторе застряли? – донесся голос качка Василия снизу. – Что-то случилось?

– Нет, как раз за продуктами идем. Если хочешь, идем с нами, лишняя пара рук не помешает, – позвал я, и мужчина тут же начал подниматься. Я же повернулся к девушке. – Идем, у нас еще будет время обсудить все произошедшее. К тому же если ты сейчас всем расскажешь, то как станешь первой, кто раскроет меня в «Тиктоке»? Вдруг тебя опередят?

– Черт, об этом я не подумала, – со вздохом признала девушка. – Ладно, пока сеть не появится, я буду хранить твою тайну. Если пообещаешь сам ее не раскрывать раньше меня. Договорились?

– Да. Но договор тебе придется подписать кровью.

– Так ты еще и вампир? Класс! – воодушевленно заявила девушка. – Я Кристина Огафьева. Мед колледж. Люблю дэдметалл...

– Лет сколько?

– Восемнадцать. На следующей неделе будет. А что, для тебя это проблема? – с вызовом спросила девушка. – Так я с тобой спать не собираюсь, можешь не бояться.

– А жаль, – усмехнулся я, переводя все мысли девушки совсем в другое русло.

– Фу, дурак. – Отвернувшись, она быстро зашагала вверх по эскалатору.

Пронесло. Учítывая, что творится вокруг, мне только охоты на ведьм не хватало. И так проблем выше крыши. Уже понятно, что несколько человек пытаются перетянуть на себя одеяло. Может, сознательно, а может, просто в силу своей природы. Раскол в небольшом обществе застрявших грозит обернуться большими проблемами. А если они в качестве врага выставят меня... нет. Лучше держать свою способность в тайне.

– Что-то продуктов немного, – задумчиво сказал качок, осматривая оставшуюся кучу. – И откуда следы крови? Ох мать вашу.

– Ой, – прикрыв ладошкой рот, Кристина присела на корточки рядом с костепсом.

– Это что за твари? – спросил, наезжая на меня, Василий. – Откуда?

– Снаружи пришли, – сказал я, быстро вспоминая, с кого из псов получил больше энергии. Вроде не с самого здорового, как это ни странно. – Вот этого и этого надо отнести доктору, чтобы она их препарировала и проверила анатомию.

– Зачем? Мы что, корейцы собак жрать? Тем более таких, – он с отвращением пнул одну из тварей кончиком ботинка.

Я вздрогнул, сжимая мгновенно оказавшийся в ладонях лом. Но псина не шевельнулась. Это очень хорошо. Я совершенно забыл, что сам уже дважды воскресал, а значит, и у врагов может быть такая же особенность. А может, и не быть. Я, по сути, ничерта не знал о происходящем вокруг. Как и остальные на станции. А единственный источник информации обращается ко мне с помощью древних иероглифов.

Если я хочу выжить, мне нужно понять, как работает система. На чем она основана. Что нужно для стабильного роста «солнышек». Для себя я уже принял обозначение «энергия». На ману оно не тянуло. Да и телепорт не волшебство. По крайней мере, в чистом виде. Я слышал, что наши ученые уже научились телепортировать сверхмалые частицы. Любая достаточно развитая технология неотличима от магии.

– Это питбуль, – не слишком уверенно сказала Кристи. – А вон то явно было догом. Обычные собаки, если не смотреть на наросты.

– Может, снаружи радиация, раз они так изменились? От них, наверное, фонит порядочно, – отходя от трупов, сказал Василий.

– Пф. За такой срок от радиации только умереть можно, – отмахнулась девушка. – Это даже я, второкурсница, знаю. А эволюция работает по-другому. Нет. Тут явно замешан какой-то суперзлодей! Он использовал мутаген, который встроил...

– Чего замолчала? – спросил я, когда пауза затянулась.

– Да нет. Мы только начали ненаправленные мутации изучать. Но они же идут не один день. Годами. Правда, и супергероями никто после них не стал, – произнесла она шепотом. – В основном все мутации приводят к болезням. Иногда передающимся по наследству. Нарушение гормонального фона или обмена веществ. Аутизм и другие врожденные инвалидности. Ничего приятного, в общем.

– Эти собаки явно такими не родились, – продолжила она через несколько секунд. – Породы разные, а изменение одинаковое. Будто на них просто взяли и панцирь нацепили. Может, все-таки злобный гениальный ученый трансплантолог...

– И каков шанс появления такого гения в бурю в Москве? – усмехнулся я.

– Такой же, как шанс на появление героя, умеющего телепортироваться, – скривив личико, ответила Кристи.

– Нулевой, – закончил я за нее мысль. – Если у тебя есть хоть какой-то опыт – помоги нашему доктору понять, что это за твари и что с ними произошло. А если обнаружишь что-то особенное внутри, расскажешь мне. Договорились?

– Хочешь, чтобы я тебе помогала? – излишне воодушевленно спросила девушка, и я почти пожалел о своих словах. – Я буду помощницей героя. Как в «Башне».

– Я не герой, просто помог чем смог, – решил объяснить я ее высказывание для Василия. Но тот был полностью поглощен сбором продуктов. Значит, доставкой тел придется заняться нам. Я наклонился к собаке, с которой получил больше всего энергии. – Выбери пса, которого сможешь дотащить, а я возьму вот этого.

– Хорошо. Надо бы, конечно, их в полиэтилен завернуть, чтобы не запачкаться, – сказала она, оглядываясь, а потом довольно указала на урну. – Мусорные мешки подойдут. Как раз по размеру.

Она выбрала себе небольшого песика, я же взял дворнягу, внешне напоминающую овчарку. В породах собак я разбирался хуже, чем в комиксах, но тащить ее это не мешало. Куски шерсти чуть ниже бронепластин превратились в иглы, и я чуть не проткнул руку, пока упаковывал ношу. Повезло, что пакеты оказались почти пустыми, только чеки и одноразовые карточки на метро. Жесткая шкура колола сквозь куртку, а запах мокрой псины и крови бил в ноздри. Но глядя на то, как стойчески Кристи волочет свою ношу, я решил сосредоточиться на своих мыслях.

Итак. Какие у меня ближайшие цели? Выжить? Вроде вполне осуществимо, если мы сможем разобрать завал у дверей склада. Для этого можно использовать блочную систему со страховкой. Пустить веревку в пять, если понадобится, в десять слоев. Использовать новообретенный «хулиган».

Но что дальше? Связаться с семьей не выходит. Можно попробовать пробраться через бурю в подмосковный Зеленоград, где живут родители. Обычно это занимало несколько часов на метро, а потом на электричке. А сейчас мне не просто в противоположный конец Москвы, а еще и по диагонали.

На машине без пробок можно было доехать за полтора часа. И сейчас в городе пробок как раз нет. Вот только пробираться через развалины Москвы придется куда дольше. Когда я спасал Германа, видел расщелины, образовавшиеся в асфальте. Жаль, дальше пары метров ничего толком не рассмотришь. Если поперек дороги появится метровый разлом, проехать можно будет только на танке. И все равно, главный мой шанс – воспользоваться авто.

С друзьями и родными любое горе легче перенести, чем с чужими людьми. Они поддерживают, в них я уверен. А здесь...

– Зачем вы этот мусор мне притащили? – недовольно спросила Лиза, когда мы положили на пол мешки с псами. – У меня тут что, ветеринария?

– Сергей, перед тем как отключиться, просил их препарировать. Чтобы понять, какая между ними и обычными псами разница, – сухо сказал я, глядя на отвращение в глазах доктора. – И чего еще можно ждать от изменившейся природы.

– Я вам что, профессор-эскулап? У меня медпункт! Я людей тут лечу, а не над животными издеваюсь, – ответила с явным неудовольствием врач.

– Лиза! – окрикнул ее начальник станции, и доктор поморщилась. – Если есть шанс, что это поможет понять, что происходит с Борей и Сергеем, ты должна это сделать.

– Да как это поможет? Тут никакой связи нет, – фыркнула женщина, но отвертеться от прямого приказа не могла. – Хорошо, разделаю.

– Я, пожалуй, тут побуду. Понаблюдаю. Вдруг у них, кроме панциря, и органы изменились? – сказала воодушевленно Кристина. – Я в меде учусь.

– Зря время тратишь, – отмахнулась Лиза. – Но раз учишься, сама вскрывать и будешь. А я скажу, куда и как резать.

– Но я еще ни разу... – попыталась возразить девушка.

– Вот как раз и попробуешь, будет шанс передумать. Это грязная и неблагодарная работа. Нет чтобы пойти в стоматологи. Вот где деньги, – сказала, меняя тему, доктор. Я оставил женщин разделять собак, а сам подошел к начальнику станции.

– У меня появилась идея, как можно разобрать завал.

– Сразу к делу? Молодец, я такое в людях ценю, – кивнул Михаил, показав на скамейку рядом. – Но вначале расскажи, что стало с Сергеем?

– Понятия не имею. Я же шел вместе с вашими. Они, как и я, слышали звуки выстрелов, а когда поднялись вверх – он уже валялся в отключке.

– Хлопки могли идти и от входных дверей. Парни до конца не уверены, – покачал головой старлей. – Герман говорит, что, когда вы спускались, Сергей был в порядке. Но ты его спас, к тому же смог вернуться.

– Да вы совсем охренели, что ли? – не выдержал я допроса. – Ну хорошо, допустим, я даже вернулся. Как и что я с ним мог сделать, а? Тогда и случившееся с Борисом – моя вина? Хотите обвинить хоть кого-то, чтобы снять с себя ответственность?

– Нет, – отрезал Михаил. – Пытаюсь понять, что происходит. Меньше суток назад ты выглядел как надувная кукла, а сейчас в полном порядке. Пошел наверх и притащил за собой гребаных мутантов.

– Может, потому что я и Герман – единственные, кто выбирался наружу, с тех пор как буря усилилась? Может, и в возникновении бури меня обвините?

– Не мешай мух с котлетами, – недовольно нахмурился Михаил. – Пистолет Сергея где? Ты же с тела подобрал? И зачем он тебе?

– Я пришел рассказать, как завал разобрать, а вместо этого получаю серию обвинений. Одно хлеще другого. – Я попробовал встать, но тяжелая рука тут же легла на мое плечо. – Ебись с завалом сами. А я со стороны посмотрю, как вас толпа разорвет. Оружия у вас сколько? По пистолету и двенадцать патронов на четверых?

– Так. Я не понял, ты мне сейчас угрожаешь? – спросил прямо Михаил. – Мы в режиме ЧС, а я старший офицер, который пытается все это дерьмо разгрести. Как может. А ты – вор, забравший табельное оружие у госслужащего. За это полагается срок! От трех до семи лет строгого режима.

– Идите нахер. Я ваши задницы уже устал спасать.

– Наши задницы? Парень, я тебя сейчас пытаюсь спасти. Ты не понимаешь, что ли? Буря кончится, и я вынужден буду подать рапорт, в котором укажу твое имя. И только от тебя зависит, последует за этим расследование и тюремный срок или благодарность, – давя сказал начальник станции. – Если мои обвинения ложны – просто дай себя обыскать. И дело с концом. Верно?

– Да пожалуйста! Что вы только пытаетесь найти, я не понимаю, – куда громче сказал я, поднимаясь и вскидывая руки.

– Эй! Вы что удумали? – тут же раздались голоса студентов.

– А ну отпустите парня! – вышел из-за колонны Василий. С-сука, он ведь там долго стоял, явно ждал подходящего момента. А я выходит сыграл ему на руку. – Я все слышал. Он верно говорит. Лезть наружу он был не обязан. Как и с теми тварями сражаться. А сейчас и вовсе предлагает спасение для нас всех. Мужики, не дадим героя в обиду.

– Назад! – гаркнул Михаил, пробежав глазами по толпе. – Мы выполняем свои прямые обязанности и отвечаем за охрану порядка и соблюдение уголовного кодекса. Обратно в беззаконие хотите? Чтобы все жили по праву сильного как в девяностые?

– Большинство законов, принятых нашим правительством, защищают только их самих. От нас и от справедливости! – горячо выкрикнул какой-то парень. Толпа наседала, и полицейским стало совсем не до меня. Ведь сейчас даже те люди, которые собирались присоединиться к правоохранителям, выступили за мое освобождение. Я легко выскользнул из ослабевшей хватки, но протест на этом не закончился.

– Закон о запрете мирных собраний, противоречащий конституции, правильный? Или, может, уголовные статьи за репосты? Или запрет на разглашение доходов коррупционеров? Это вы защищаете? – обступили со всех сторон полицейских мужчины и подростки. – За тем шли на службу? Олигархов покрывать? Хватит! Хватит это терпеть!

– Спокойно! Вы где во мне олигарха увидели? Зарплату мою знаете? Кто по вашему воров, убийц и насильников ловит? Какие-то супермены в трусах? Это мы же. Те же люди что стоят в оцеплениях. – взревел Михаил, встав на скамью. Он вновь продемонстрировал пистолет в кобуре, но на сей раз это зрелище не возымело должного эффекта. – Мы вас, придурков, защищаем! В том числе и от вас самих!

– Довольно! Мы вас больше не боимся! – сказал, выходя вперед, Василий. И я понял что он специально подогревает почти успокоившийся народ. – Вы верно заметили, вы приносили клятву государству и его гражданам, а не чиновникам. Закончится буря, и выйдут из укрытий тысячи людей, которые перестанут бояться! И власть сменится!

– Вот когда сменится – тогда и поговорим. А пока мы на службе и выполняем приказы, – ответил Михаил. – И приказы эти – защищать вас с оружием в руках. Если понадобится – до последнего вздоха. Хотите парня – забирайте. Но знайте, что он вор...

– Он герой! – тут же выкрикнула Кристи, заставив меня найти ее в толпе. И тут только я понял, что на самом деле никакой толпы нет. Да, полицейских осталось всего четверо, а мужиков и студентов около двадцати. Но основная масса народа сидела вокруг тепловых пушек и даже не думала бунтовать. И что-то мне подсказывало, что в других местах оппозиционеров могло и вовсе не оказаться.

– Может, и герой, но вороватый, – усмехнулся начальник станции. – У нас не бандитское государство, чтобы брать все, что плохо лежит. Хотите продукты – вон они, под завалами. Но знайте, это прямое нарушение закона. Вы очень об этом пожалеете, и если буря закончится, и если она не прекратится, и нам придется здесь долго выживать.

– Это если останется, кому об этом докладывать, – сказал вполголоса стоящий рядом парень с наколкой на руке. Одного взгляда на него хватило, чтобы определить криминальное прошлое. Твою мать, только победы воров и убийц мне не хватало. Хотя, с другой стороны, а сам-то я кто? Рыцарь благородного образа? Пистолет я и в самом деле взял. И не выступи на стороне протестующих, ничего не произошло бы.

– Верно сказано! Хватит! – громче всех заорал я, и тут же раздалось несколько одобрительных возгласов. Но я не собирался продолжать общую линию. – Хватит срать, смерть подстерегает снаружи. Мы ничего не добьемся, если будем ссориться. Я виноват в том, что эта провокация вообще случилась.

– Что ты мелешь? – спросил один из подавшихся вперед студентов. – Это наш шанс взять все в свои руки!

– И чем это кончится? Для всех нас? Тюрьмой? Гибелью? – спросил я, протискиваясь обратно через толпу. – Я действительно украл пистолет. Мой косяк. Я рассчитывал применить его во благо, но теперь понимаю, что сама эта ситуация до добра не доведет. Вот, держите. Если хотите, можете меня задержать.

– Какое самопожертвование, – скривился Михаил. – Хочешь стать мучеником?

– Вообще ни разу, – улыбнулся я в ответ. – Я тоже хочу взять власть в свои руки. В первую очередь власть над собственной судьбой. Но вместе с этим приходит и ответственность. Верно ребята? Мы же этого хотим? Власти и ответственности?!

– Да, верно! – еще не слишком понимая, к чему я клоню, прокричали несколько человек. Василий промолчал, кажется, его не устраивало то, к чему все идет. Он надеялся на эскалацию протеста и захват управления чужими руками. Я же только послужил бы ему удобным поводом для мятежа.

– Мы готовы взять на себя ответственность, как дружинники. Как добровольцы и волонтеры. Верно? Мы сами будем нести ответственность и помогать друг другу. А через это получим и власть, – быстро, но громко и четко проговорил я. – Поможем нашим органам власти, получив часть их полномочий!

– Да не будет такого! – возразил Василий. – Они просто хотят обвести нас вокруг пальца, чтобы потом вновь посадить на цепь! Хватит это терпеть!

– Нет. Он неправ, – не стесняясь, перебил я качка-бизнесмена. – Мы придем к общему решению. Верно, Михаил?

Глава 6

– Чего вы конкретно хотите? – спросил настороженно начальник станции. – Оружие и припасы я вам не отдам. А пользу вы можете принести и без них. Начните с завала.

– Вот! Я же говорю, он хочет только разгрести работу чужими руками. Они все наживаются на нашем труде! – горячо выкрикнул Василий, он вскочил на скамейку как на трибуну. – Вы меня знаете! Я бизнесмен с более чем пятнадцатилетним опытом. Мои спортивные залы и фитнес-центры разбросаны по всей Москве. Несмотря на противодействие власти, жуткие поборы и постоянные проверки, я сумел построить процветающий бизнес. В нем трудятся более пятисот тренеров, бьютиблогеров и наставников.

– И я считаю, что каждый должен получить по потребностям. Мы не в той ситуации, чтобы экономить. Нас здесь всего сто пятьдесят человек. А запасов должно хватить на много-много месяцев. Буря же вряд ли продлится больше недели, – улыбаясь, заявил качок. – Страх, отсутствие солнца, замкнутое пространство. Это все факторы стресса. Мы должны с ними бороться, а еда – один из немногих универсальных инструментов успокоения.

– Михаил, вы знаете, что спасение людей на станции – ваш долг. Поговорите с нами. Расскажите, что собираетесь делать? Выход должен быть. Мы все на одной стороне, а там где обязанности, там и возможности, – выкрикнул я, обращаясь к начальнику. Тот нахмурился, сведя брови, но затем его лицо вдруг озарила улыбка.

– Хорошо. В соответствии с законом о чрезвычайных ситуациях, отделения внутренних войск имеют право на следующие вещи, – начальник станции поднял руку, показав растопыренные пальцы. – Организация подконтрольных добровольческих сил. С выдачей им необходимого снаряжения, вооружения и боеприпасов, если того требует обстановка. Экспроприация любого движимого и недвижимого имущества с возмещением полной стоимости после окончания режима ЧС за счет государства, – четко и громко произнес старлей. – Проведение спасательных операций. Еще раз, это все не просто мое желание. Это мои законные действия и обязанности во время ЧС. Силы в добровольческой бригаде, выполняющие прямой приказ, будут неподсудны по таким уголовным статьям, как воровство или мародерство. И главное. Когда все это закончится, вы не пойдете под суд, а сможете вернуться к своей нормальной жизни. Без последствий.

– Вот, слышали?! – выкрикнул я, перекрывая гомон толпы. – Законно! Мы можем все сделать и по нормальному, в рамках закона. И никакой захват власти нам будет не нужен. Как не нужен и Василий со своими братками-спортсменами.

– Ты меня еще делу учить будешь, сопляк? – Василий навис надо мной, но я не сдвинулся с места, лишь усмехаясь в ответ на его оскал. Теперь толпа уже не была на его стороне, и через несколько секунд качку удалось взять себя в руки. Он расслабил мышцы, покрутил головой, разминаясь. – Хорошо. Я поздравляю вас с победой, Михаил. Надеюсь, вы свои обещания начнете выполнять так же, как собирался я, немедля. Мы готовы помочь вам разобрать завалы.

– Конечно, – кивнул вновь получивший легитимность начальник станции. – Ваша помощь будет очень ценна, как и любого добровольца на станции.

Я от такой перемены чуть не икнул. Только что Василий хотел бороться до конца, был в гневе. А сейчас спокойно пожимает руку Михаилу. Поверить в такое преображение было просто нереально. И это понимали все. По крайней мере, мне так казалось, пока я не посмотрел на удивленные лица некоторых качков. Вот уж действительно – их слишком часто били по голове.

– Думаю, мы сойдемся на должности главы добровольческой бригады, – продолжил Василий, продолжая пожимать руку Михаила. – С дополнительными пайками за опасность.

– Нет, – усмехнувшись, сказал старлей. – Иначе меньше останется другим гражданам. Мы поделим ровно. После того как разберем завал.

– Отлично. В таком случае мы подождем, – наконец отпустив ладонь Михаила, сказал качок-бизнесмен. – Идем, ребята. Нужно экономить силы.

– Мы еще поквитаемся, – тихо прошипел побитый мной в прошлый раз парень с наколкой на руке.

– Человек, который рвется к власти, никогда не делает этого просто так, – заметил Михаил, глядя на уходящих братков. – Спасибо за помощь, даже не ожидал. Адекватные люди нам сейчас очень пригодятся. Боюсь, это не последняя стычка с прибалтанными. Спортивное братство не боевое, но иногда очень близко.

– Ничего. Посидят на общем пайке неделю – станут почти обычными людьми. У них, наверное, уже сейчас белковый голод, – заметил я. – Сталкивался с таким во время длительных походов. Их мышечная масса в основном нерабочая. Так, для красоты. Но теперь мы наконец можем обсудить дальнейший план. Вы победили.

– Пистолет? – чуть улыбнувшись, спросил Михаил, и я протянул ему оружие. Пустое. К сожалению, все это время перед бандитами мне пришлось бравировать оружием без патронов. Осмотрев ствол, он прочитал выгравированную надпись. – ПЛ? Редкая птица. Возможно, у нас на складе найдется к нему боезапас, но ничего обещать не могу. Мы так и остались на старом калибре. Не хочешь получить вместо него ПММ? Надежный, неброский и легкий. Против собак вполне достаточно, а лосей в Москве не водится.

– Нет, спасибо. Давайте как обещали, в рамках закона.

– Ну смотри. – Михаил достал из внутреннего кармана кителя сложенную в четыре раза бумажку. Расправил на скамейке и быстро набросал бланк, вписав серийный номер оружия. А после отдал вместе с пустым стволом. – Это временное разрешение на период ЧС. Ты как доброволец, приписанный к нашему отделению, имеешь право его носить и даже стрелять, если есть угроза твоей жизни.

– Благодарю, – сказал я, пряча документы и пистолет. – Что с кобурой?

– Забери у Лизы. Не думаю, что Сергей окажется сильно против. По крайней мере, пока не очнется, – ответил Михаил, внимательно глядя на мои манипуляции. – Ты и в самом деле собираешься наружу?

– После того как мы разберем завал и достанем патроны. Мне нужно к родным, в Зеленоград. А делать снаружи без оружия нечего. Одной схватки с псами мне хватило.

– Тут я с тобой спорить не стану. Сейчас соберем людей и начнем разбор завала. Присоединяйся, – кивнул мне Михаил, оборачиваясь к не разошедшимся людям. – Нам нужно несколько добровольцев, мужчин...

Слушать я его не стал, и так все понятно. Отошел от толпы и направился прямо к лазарету, на противоположную сторону станции. Двигаясь ровными шагами, я не забывал оглядываться по сторонам и держал лом наготове. Угрозу бандита я воспринял вполне серьезно. Да и Василий был не слишком рад своему поражению – мог припомнить.

– Лиза, я вхожу. Михаил сказал, что я... – речь оборвалась на полуслове, застряв у меня в горле. Несколько секунд взгляд не хотел фокусироваться, мечась из стороны в сторону. В нос ударил стойкий запах нечистот и железа. Черная лужа на полу. Валяющаяся оторванная рука. Капли крови на потолке. Забрызганный белый халат с торчащей из него шеей. Без головы.

– ТРЕВОГА! – взревел я, хватая лом двумя руками и бешено вертя головой из стороны в сторону в поисках опасности. – ТРЕВОГА!

– Что орешь? – первым ворвался за перегородку Василий, и я чуть не вогнал ему шип «хулигана» в шею. Качок едва успел отскочить назад. – Ты че, ебнутый? Бля... Ты это сделал?

– Всем лежать! Лежать, я сказал! Руки за голову! – раздался мощный командный голос Михаила. – Я сказал всем!

Меня повалили быстро и умело. Правда, я почти не сопротивлялся. Хорошо хоть, не лицом в черную зловонную лужу.

– Суки, кто это сделал? Лизонька, – взревел начстанции. – Кто это сделал, Слава. Я тебя, блядь, спрашиваю!

– Я только от вас пришел! Когда?

– Значит, ты, тварь? Решил отыгаться на ней за проигрыш? – Михаил со злобой пнул Василия под ребра. – Кто-то из твоей бешеной своры, да?

– Я что, идиот, убивать единственного медика? – спросил, почти рыча, качок, но с места не двинулся. – Никто из моих людей не пошел бы на это без моего ведома.

– Да? А ты их всех за сутки так хорошо узнал? – никак не успокаиваясь, спросил старлей. – Она была одной из нас. Моей... с-сука. Кто это сделал? Слава, что ты видел?

– То же, что и вы. Пришел за кобурой и сразу позвал вас, – ответил я, поднимаясь. Михаил стрельнул на меня взглядом, но ничего не сказал. – Тут должна была находиться еще одна девушка, Кристина. Она помогала препарировать собак. Может, она что-то видела?

– Найди ее, немедленно, – приказал начстанции, тяжело опустившись на единственный стул. – И соберите всех в одном месте. Нужно пересчитать пассажиров и осмотреть на предмет крови. Такое безобразие невозможно повернуть, не заляпавшись. Герман где? Он же должен лежать здесь, со сломанной ногой. Найти!

Ситуация резко стала критической. Я на минуту даже подумал свалить, как есть, безоружным. Но потом понял, что если в самом безопасном месте произошла такая жесть, то нужно по крайней мере выяснить, что именно это было. Иначе при встрече головы лишиться могу уже я, а не малознакомая женщина.

То, что станция потеряла медика, представлялось второстепенной угрозой. Оторвать голову и выдрать руку с мясом – это нужна просто нечеловеческая сила. Провернуть то же с помощью ножа, наверное, можно, но я не уверен, что это будет столь же жутко и эффективно. Перед глазами встал вид свисающих в разные стороны обрывков кожи, и меня чуть не вырвало. Схватившись за колонну, я несколько секунд тяжело дышал.

– появилось и тут же пропало предупреждение. Я резко выпрямился, оглядываясь по сторонам. В носу до сих пор стоял стойкий запах крови. Но, возможно, причина была в том, что я запачкал куртку, когда валялся на полу.

– Что за чертовщина происходит? – проговорил я, внимательно всматриваясь в слабо освещенные участки туннеля. Ничего.

– Эй! Чего встал?! – резко окрикнул меня один из полицейских. – Девчонку ищи. И волонтера своего со сломанной ногой.

Герман нашелся быстро. Парень сам ковылял на шум и тревожные крики, опираясь на вполне нормальный костыль. Где он его раздобыл, я расспрашивать не стал, как и не ответил на вопросы о происходящем, послав в медпункт. А сам продолжил обшаривать станцию. Благо она была не такой большой. Через несколько минут, когда остальные выжившие уже строились в колонну по десять, я вернулся с рюкзаком девушки.

– Ну? – набычившись спросил у меня Михаил.

– Ее нигде нет. Вещи все оставила, даже куртку. Так что, либо она решила покончить жизнь самоубийством, выйдя наружу, либо с ней что-то случилось. Но, как по мне, она здесь совершенно ни при чем. Не могла хрупкая девушка такого сделать.

– Нет, конечно. Но она могла хоть что-то видеть, – ответил начальник станции. – Вставай в строй, ко всем. Сейчас ультрафиолетом просветим.

– Я и так могу сказать, что на мне кровь. И собачья, после драки на поверхности. И ее, – не стал я юлить. – После того как меня чуть не в лужу положили.

– Ты прав, но исключения я делать не могу. Вставай, – мрачный, как грозовая туча, сказал Михаил. – Прошу всех вытянуть руки ладонями вверх.

Люди так и сделали. Все без исключения. Даже качки Василия. Все прекрасно понимали, что на станции произошло ужасное и хотели поскорее снять с себя подозрения. Михаил лично ходил между нами, осматривая каждого. А после всех, у кого на одежде или руках оставалась хоть капелька крови, ставили в сторону. Я, естественно, попал в это число, ибо был заляпан по колени, и на руках с курткой тоже следов хватало.

– Остальные свободны. Можете возвращаться к своим делам, – разрешил Михаил. – Чем быстрее мы во всем разберемся и выявим убийцу...

– Никто такого не сделал бы, – подал голос Василий, у которого руки были за спиной закованы в наручники. – Просто сил не хватило.

– Ты вдруг в криминалисты записался? – зло спросил Михаил.

– Я не только спортсмен и бизнесмен, но и тренер. И как тренер обязан знать предельные нагрузки человеческого тела. Даже на стероидах такого усилия не развить. Это надо брать машину, чтобы так рвались мышцы, – ответил Василий, стараясь сохранять достоинство. – В остальных случаях это просто нереально.

– И что, хочешь сказать, что у нас групповая галлюцинация? Или, может, кто-то притащил гидравлический домкрат и им отрывал голову Лизе, да так, что мы ничего не услышали, хотя были в сорока метрах? – язвительно спросил Михаил. – Кто-нибудь может предположить, что за чертовщина здесь происходит?!

– Нет, – покачал головой Василий, остальные послушно ждали своей очереди, и только мы с Германом сели чуть в стороне.

– Ты видел что-нибудь необычное, пока был в лазарете? – спросил я парня.

– Ничего такого, – раздосадовано ответил Герман. – Если бы я только был рядом, когда это произошло, может, все бы обошлось. Я ведь собирался остаться на посту у медпункта, но потом Кристина вернулась разделять собак, и мне подумалось, что надо проголосовать.

– Значит, вы познакомились? Отлично. Можешь в подробностях описать, что она делала и говорила, пока была рядом? Когда ушла и вернулась? А то ее нигде нет.

– Кристина уходила на голосование. А до этого, когда разделяла очередную тушу, неожиданно обрадовалась. Будто жемчужину нашла в собаке. Или золотой слиток, – сказал Герман, покачав головой. – Я спросил, чего она так веселится, а она ответила, что герой будет очень рад и что нужно проверить еще несколько экземпляров.

– Я выходил в зал наверху, ее там не было, а вот трупы псов-монстров, наоборот, лежали на месте. Значит, она вернулась, – задумчиво произнес я. – Ты говорил об этом Михаилу?

– Да, но он сказал, что в расследовании это никак не поможет. Определить, кто стал убийцей без орудия или предмета, невозможно, – ответил Герман. – Я действительно не видел ничего подозрительного.

– Ладно. Не расстраивайся, – похлопал я его по плечу. – Мы обязательно разберемся, что происходит. И накажем виновных.

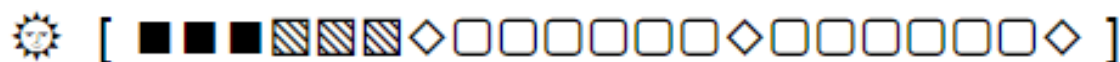
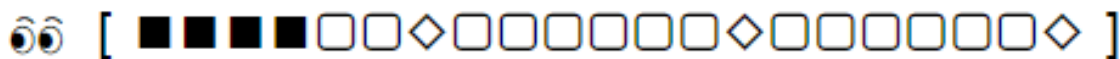
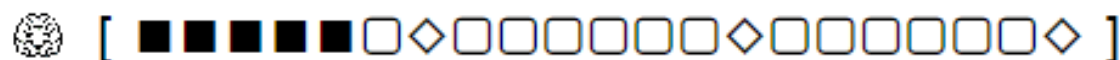
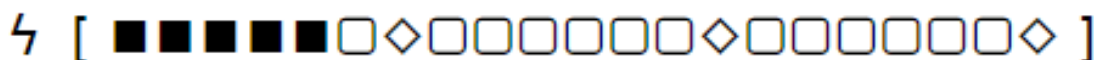
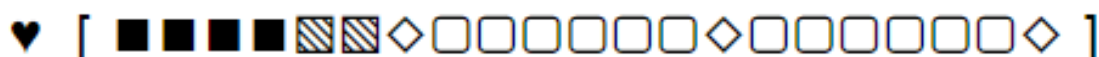
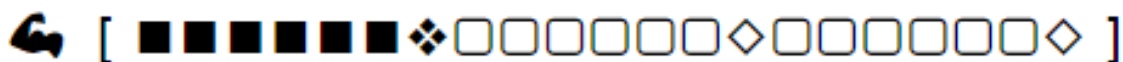
Я поднялся и вошел в медкабинет, превращенный неведомым убийцей в скотобойню. Михаил тоже оказался внутри. Он внимательно осматривал каждый сантиметр комнаты, регулярно делая пометки. А затем, поднявшись, долго и громко ругался, значительно пополняя мой запас мата.

– Что-то нашли? – спросил я.

– Я не следак, – грубо ответил начстанции. – Убийств повидал достаточно. Но только на войне. И там такой фигни не было. Даже если голову шальным минометным снарядом отрывало. Не знаю. Это просто... сука, она же мне как дочь была, непутевая.

– Соболезную, – сказал я, ища на операционном столе описанные жемчужины. Как ни странно, на отдельном чуть изогнутом подносе лежала окровавленная субстанция. Правда,

жемчужину она нисколько не напоминала. Скорее это был здоровенный паук или плющ с шарообразной сердцевинкой. И стоило задержать на этом взгляд, как внизу поля зрения появилось сразу несколько значков.

Так, это уже интересней. Выходит, Кристи достала из собаки нечто такое, от чего мои показатели могут увеличиться. И если с энергией все было более или менее понятно, я ее уже поглощал, то с силой и выносливостью возникали вопросы. Я могу увеличить собственную силу за счет фрагмента чужой плоти? Как?

– О чем задумался? – вырвал меня из размышлений Михаил.

– Эта штука. Она вроде из собаки вырезана? – сказал я, подходя к столу. Съешь – поднялся откуда-то изнутри призыв. Поглоти, сожри, проглоти, съешь! Немедленно, прямо сейчас! Мне оставался всего шаг до куска плоти, как меня скрутило, чуть не заставив наброситься на сырое мясо. Желудок призывно заурчал, но начальник станции по-своему истолковал звуки.

– Пошел вон! Не хватало еще, чтобы тебя здесь вырвало. – Он быстро выволок меня из-за ширмы. – Спокойно, парень. У всех бывает первый раз. Смерть, особенно такая отвратительная, – это всегда неприятно. Но со временем привыкаешь.

– Нет. Не в этом дело, – едва сумев прийти в себя, ответил я. – Просто голова закружилась.

– Ага. Я же говорю, в первый раз обычное дело, – похлопал меня по плечу Михаил. – Ладно, мне нужно возвращаться к работе.

– А хоть что-нибудь вы уже поняли? – спросил я, ища повод вновь оказаться в помещении. Может, мое нутро меня и обманывало, но шанс получить прибавки к характеристикам от странной штуки казался весьма соблазнительным.

– Ничего такого, – поморщился начальник станции. – Следов борьбы нет. Звуков мы не слышали. Кто бы ее ни убил – она явно этого не ожидала. Хорошо тут только то, что это произошло мгновенно. А во всем остальном... черт. Да я даже не знаю точного количества пассажиров! Сказать, кто виновен, невозможно.

– Может, если я еще раз спокойно посмотрю, – предложил я, и Михаил не стал меня останавливать. Наоборот, остался снаружи, терзая в пальцах сигарету. Воспользовавшись ситуацией, я быстро сунул окровавленный кусок себе в карман и только после этого огляделся. Смотреть на кровь и нечистоты было противно, так что я пробежал глазами по остальным поверхностям.

Операционный стол с разделанной псиной. Тумбочка, прикаченная сверху. Лампа. Две застеленных скамейки, на одной из которых лежал едва дышавший Сергей...

– А для кого приготовлена вторая скамейка? – осторожно спросил я.

Глава 7

– Что? – не сразу понял меня Михаил, заходя обратно в лазарет. Я заметил, что так и не подожженная сигарета была безжалостно засунута обратно в карман. – На второй койке должен был Боря лежать. Где его тело?

– Может, это он повинен в... – я замолк на полуслове под гневным взглядом начальника станции.

– Ты в своем уме? Ему только хуже становилось. Или ты про эти ваши дурацкие страшилки? Зомби и прочее? – почти презрительно спросил старлей. – Не мели чепухи. Не бывает ничего подобного. А если бы и произошло – посмотри на Сергея, он плотом лежит. Нет. Тот, кто напал на Лизу, утащил тело Бори. Надо собраться.

Михаил легонько хлопнул себя по щеке и выпрямился, будто позвоночник ему заменили на стальной лом. Решительно выйдя из лазарета, он откинул шторку и направился к крохотной группе отобранных, на которых оставались следы крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.